

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

I

Итак, я опамятовался в больнице для умалишенных...

Когда я проснулся, в окна чуть-чуть брезжил белесоватый свет. В комнате было холодно, голо и неприятно; против кровати, у противоположной стены, стоял диван, покрытый потертой и во многих местах прорванною клеенкой; кроме него, стояло два-три стула и круглый стол. До слуха моего доходил шум голосов и топот беспорядочной беготни, из чего я заключил, что пробуждение больницы находится в полном разгаре. Я бросился к двери, но она была заперта. Напрасно стучал я, напрасно потрясал ручкой замка – никто из проходивших мимо не обращал на меня внимания. Наконец, часов около девяти, послышалось повертывание ключа в замке; дверь отворилась, и в комнату вошел неизвестный мужчина.

– Имею честь рекомендоваться: здешний доктор! – сказал он, подавая мне руку.

– Очень рад, но прежде всего позвольте узнать, где я нахожусь?

– Не считаю нужным скрывать от вас печальную истину: вы находитесь в больнице для умалишенных.

Я чувствовал, как кровь хлынула мне в голову и потом опять отхлынула. Это был «конец», тот таинственный «конец», которого я всегда смутно ожидал и к которому всегда относился с трепетом. Признаюсь, однако ж, я никогда не представлял его себе в этой форме. Я знал, что «конец» придет, что он придет не для меня одного, но и для Прокопа, для Дракиных, Хлобыстовских и других все чающих движения воды, но почему-то мне представлялось, что он придет где-нибудь в "закусочном заведении", в Орфеуме, в Эльдorado или в другом каком-нибудь увеселительном приюте, – то есть придет конец, вполне сообразный с характером всего моего прошлого. И вдруг – сумасшедший дом!

– Стало быть... я сумасшедший? – с ужасом вырвалось у меня. – Да; и вы должны знать это. Современная метода лечения такова, что прежде всего сам больной должен энергически помогать врачу в его усилиях. А это может быть достигнуто лишь в том случае, когда больной вполне сознает, в чем заключается его болезнь, и сам всеми зависящими от него средствами устраняет то, – что может содействовать ее развитию.

– Доктор! я не знаю, ни каким образом, ни по какому поводу я попал сюда, но, во всяком случае, считаю долгом протестовать. Я совершенно так же мало сознаю себя умственно поврежденным, как и вы себя. Я протестую-с.

– Да; я знаю, что вы считаете себя здоровым. Я практикую около двадцати лет и не встречал еще ни одного душевнобольного, который не был бы убежден, что он вполне здоров. Это общее правило, из которого составляют исключение только люди, пораженные общо парализацией мозговых органов. Одни они не протестуют, и конечно, не протестуют только потому, что даже протеста никакого формулировать не в состоянии.

– Итак, я сумасшедший!.. Это невероятно, но я должен этому верить. Вы, психиатр, удостоверяете меня в том... Прекрасно-с. На чем же, однако, я помешан?

– Я имел только один день, вчерашний, для наблюдений над вами. Вы находитесь в первом периоде помешательства, и потому более или менее близкое выздоровление ваше весьма вероятно. К сожалению (это я говорю в скобках), вы не меланхолик, а маниак. Меланхоликам у нас не житье, а масленица, маниаков же, от времени до времени, приходится запирать в отдельное помещение. Что же касается до предмета вашего помешательства, то это миллион, который будто бы украден у вас после вашей смерти одним из ваших друзей.

– Но ведь это же правда, доктор, что мой миллион украден!

– Разумеется, правда, но правда лишь в том смысле, что в вас довольно твердо сложилось такое убеждение. В сущности, сообразите, однако, какая же это правда!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Мы вот стоим здесь и разговариваем, а вы уверяете, что у вас, после вашей смерти, украли миллион!

Я широко раскрыл глаза. В самом деле, что я такое сейчас сказал? Ведь я, так сказать, признал действительность моей смерти! Господи! да неужели же я и впрямь сумасшедший?

– Доктор! Я сказал глупость. Но я сознаю это, поверьте мне. Дело в том, что в последние дни я попался в руки шайки шалопаев, которая целый месяц самым постыдным образом издевалась надо мной. Затем последовало нервное расстройство, я видел сон, и...

– Ну да, ну да. Это всегда так начинается, и я очень рад, что вы довольно ясно сознаете причины, которые привели вас к помешательству. Всякое умопомешательство имеет источником какое-нибудь очень сильное внешнее впечатление, произведенное на мозг (во сне или наяву – это безразлично). Присоедините к этому малокровие, недостаточное действие пищеварительных органов – и в результате непременно получится умопомешательство.

– Но уверяю вас, доктор...

– Я верю вам. Я знаю, что вы убеждены в совершенно нормальном состоянии ваших умственных способностей. Но я желал бы, для вашей пользы, чтоб вы убедились в противном. Ибо, как я уже сказал, только тогда наше лечение может иметь надлежащий успех, когда вы сами будете помогать ему со всею энергией, какая находится в вашем распоряжении.

– Но скажите, по крайней мере, как я сюда попал?

– Вас привез квартальный поручик Хватов. Это прекраснейший молодой человек, вполне современный, и притом питающий к вам искреннейшую привязанность. Он говорил мне, что тут случилась какая-то неприятная политическая история, в которую вы, как человек благонамеренный, посещающий театр Берга, конечно, не могли бы попасть, если б не подверглись временному расстройству умственных способностей.

– Помилуйте! Какая же это «история»? Политический суд... в Отель дю-Нор! Ведь это, наконец, пасквиль! И какое право имеет этот Хватов совать свой нос, где его совсем не спрашивают!

– Как квартальный поручик, господин Хватов имеет право совать свой нос всюду. По крайней мере, так выходит по новейшему учению о децентрализации, которую, впрочем, между нами будь сказано, многие у нас смешивают с централизацией. Но успокойтесь, мой друг! В вашем положении главное – это избегать даже самонаименованных волнений. И надеюсь, что вы сами постараетесь усвоить себе эту мысль и не вынудите нас прибегать к ваннам, рукавицам, к одиночному заключению, одним словом, ко всем тем неприятным средствам, которые предписываются нам врачебною наукой, в видах успокоения одержимых недугом, подобным вашему.

Последние слова доктор произнес с такою любезною улыбкой, что для меня сделалось совершенно ясным, что, позволь я себе самое крохотное волнение, – рукавицы и одиночное заключение уже готовы к услугам моим.

– Прекрасно. Это прекрасно. И долго я должен буду прожить у вас под страхом рукавиц и одиночного заключения?

– Не знаю. Тут все будет зависеть от собственных ваших усилий, от той суммы энергии, которую вы лично употребите, чтоб содействовать своему выздоровлению. Но могу сказать в утешение, что люди, находящиеся в первом периоде умопомешательства и строго следующие предписаниям врача, обыкновенно выздоравливают в течение трех – шести месяцев.

– И ни копейки дешевле?

– Примеры более быстрого выздоровления хотя и бывают, но редко. Во всяком случае, термин, который я сейчас назвал, есть средний.

– Так вы решительно не хотите верить, что я не помешанный?

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

– Никаких сомнений в этом смысле не имею.

– В таком случае объясните мне, по крайней мере, какой предстоит мне обязательный режим, куда я нахожусь в этом приятном заведении?

– У нас три категории больных. Во-первых, паралитики, которые обыкновенно умирают очень скоро вслед за поступлением в «заведение». Во-вторых, хронические, которые никогда или почти никогда не вылечиваются (здесь есть субъект, который двадцать лет сряду находится в одном и том же положении). Наконец, в-третьих, одержимые острым помешательством, которые, будучи захвачены вовремя, почти всегда вылечиваются и к числу которых принадлежите и вы. Больные первых двух категорий пользуются полною свободой, не выходя лишь из пределов регламента заведения. Что касается до больных третьей категории, то они осуждены на безусловное спокойствие, и потому все, что может возмутить это последнее, абсолютно воспрещается. Вы, например, не имеете права ни читать, ни писать, ни иметь ни с кем сношений, кроме лиц, принадлежащих к заведению. Затем, в 7 часов утра вставание, в 8 – чай, в 11-завтрак, в 2 – обед, в 7 – вечерний чай и в 9 – спать. В промежутках вы можете знакомиться с вашими товарищами по заключению, можете делать гимнастику, играть в шахматы, в карты, на биллиарде и прочее.

– Вы, кажется, сказали: ни читать, ни писать?

– Это запрещено в особенности строго.

– Доктор! вы меня без ножа режете! Я только что дал слово моему другу Прелестнову написать для его газеты статью: "Десять лет счастливейшего пристанодержательства". Что скажет Менандр, если я завтра, ко дню его тезоименитства, не доставлю ее!

– Успокойтесь. В настоящее время господин Прелестнов, подобно вам, находится в «заведении». Вы увидите с ним, и я беру на себя сообщить ему о том крике истинной горести, который вырвался из вашей груди ввиду невозможности исполнить принятое вами обязательство.

– Вы говорите, что Прелестнов... о боже! Но "Старейшая Всероссийская Пенкоснимательница"! Но наши юные, еще столь нетвердо стоящие на ногах земские учреждения! Но наши гласные суды! Что будет со всем этим! Кто разберет по косточкам иск игуменьи Митрофании с наследниками скопца Солодовникова? Кто скажет: с одной стороны, игуменья Митрофания не права, хотя, с другой стороны, она несомненно права? Кто к сему присовокупит: с одной стороны, суду предстояло определить, хотя, с другой стороны, ему ничего определить не. предстояло?

– К счастью для него, господин Прелестнов принадлежит к числу «хронических», а потому "Старейшая Всероссийская Пенкоснимательница" ничего не потеряет от постигшего его несчастья. Как «хронический», господин Прелестнов может и читать и писать, сколько ему угодно, а следовательно, и редактировать какую угодно газету. Не далее как вчера я читал его передовую статью, где он доказывает, как глубоко заблуждаются те, которые утверждают, будто дважды два равняются стеариновой свечке. И право, для человека умственно поврежденного, логика господина Прелестнова довольно удовлетворительна. По крайней мере, он гораздо последовательнее, нежели, например, господин Нескладин в статье "О девяносто шести истинах (по числу золотников в фунте), которые должен иметь в виду искусный адвокат в каждом защищаемом им деле". Кстати: вы, конечно, не знаете, что и господин Нескладин находится в нашем заведении?

– Боже! и Нескладин! Но после этого, вероятно, и Неуважай-Корыто?!

– Очень может быть. Но покамест он находится еще на свободе. Есть, однако ж, повод думать, что ваше предчувствие сбудется скоро, потому что в настоящее время он пишет статью: "Какую роль в русской литературе играл бы воронежский литератор Де-Пуле, если б он писал в начале царствования императора Александра Благословенного?" Я слышал, что наш знаменитый историограф, господин Богданович, доставил ему громаднейший запас любопытнейших материалов для разъяснения этого вопроса.

– Ради бога, доктор! Нельзя ли отвратить его от этой работы! Пусть лучше доказывает неподлинность романа: "Не уезжай, голубчик мой!" Но Де-Пуле! Ведь

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru это такой сюжет! такой сюжет! Тут и здоровый человек...

– Судьбы божий неисповедимы, – сентенциозно отвечает доктор. – Бог дает разум, бог же и отнимает его. Не будем вмешиваться в пути провидения.

Мы оба на минуту поникли головами, как бы подавленные мыслью о неисповедимости путей, которыми провидение, в своей благости, считает нужным вести нас.

– Но Прелестнов... какой же предмет его помешательства? – снова начал я.

– Он помешался на сусликах, "как известно, приносящих такой громадный вред нашим молодым, еще неустановившимся учреждениям". Вы знаете, что он и прежде охотно помещал в своей газете статьи о подвигах сусликов, и вот теперь оказывается, что публицистика эта не прошла для него без наказания. Чувствительность его возрастает каждодневно, и мне стоит больших усилий уверить его, что суслики далеко не все съели и что стараниями юного, еще нетвердо стоящего на ногах земства от их хищности спасены неистощимые запасы хлеба в зерне и муке, которые могут быть вывезены за границу без опасения, что внутренние рынки когда-нибудь оскудеют лебедой.

– Вот и я всегда ему говорил, что не оскудеют. Не правда ли? ведь не оскудеют? Ведь не останемся мы без лебеды?

– Не останемся никогда. По крайней мере, это искреннейшее мое убеждение.

– Бедный Менандр! Ну, а Нескладин – давно он здесь?

– Недели две. До вчерашнего дня помешательство его было двухпредметное. Во-первых, он был убежден, что во всяком деле имеется не одна истина, а столько, сколько в фунте золотников. Во-вторых, он слышал анекдот о какой-то просвиrne, которая и невинность сохранила, и капитал приобрела, и хочет доискаться, какое она употребила для этого средство. Но со вчерашнего дня к этому прибавился третий пункт: он ропщет на игуменью Митрофанию, зачем она не пригласила его в защитники по делу с наследниками скопца Солодовникова.

– И могу я их видеть?

– В настоящую минуту нет, потому что оба уехали (разумеется, в сопровождении сторожа). Прелестнов отправился в редакцию, а Нескладин в суд, где у него назначена на сегодня какая-то защита.

– Странно! Помешан, а защищает дела!

– Да; но у них такой устав. Требуются нравственные гарантии, да еще чтоб курс юридических наук был пройден, а насчет умственных гарантий ничего не упомянуто. Так что окончившая курс юридических наук и ни в чем предосудительном не замеченная лошадь может действовать совершенно свободно, ежели клиент веряет ей свои интересы.

– Так вы меня решительно отсюда не выпустите?

– Решительно. До тех пор, пока вы совершенно не выздоровеете. Ни слова больше об этом.

– Слушайте! Это интрига Прокопа!

– Опять Прокопа?

– Ну да, Прокопа!.. вот того самого, который украл мои деньги!

Доктор грустно покачал головой.

– И вы хотите уверить меня, что не помешаны!

– Доктор! вы правы! Это черт знает что такое. Прокоп... деньги... житье в Петербурге... Скажите, а был такой случай, что одного купца сыновья напоили пьяным и поместили в вашу больницу?

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru – жертвы недоразумений могут случиться везде. Провидение, мой друг, даже науку не гарантировало от заблуждений! – сентенциозно ответил мне доктор, поднимая глаза к небу, как человек, твердо уповающий, что всеблагое провидение и впредь не оставит науку без заблуждений.

– И вы надевали на этого купца рукавицы?

– Я делал то, что предписывает наука. Наука, милостивый государь, – это такая вещь, которая не знает компромиссов. Так, по крайней мере, учит нас ваш друг, господин Прелестнов. Наука, – говорил он мне не далее как вчера, – это храм, в котором во всеоружии стоит Неуважай-Корыто и долбит молебны! Но, впрочем, довольно об этом. Покуда больные прогуливаются в саду, не хотите ли осмотреть заведение? Кстати, я ознакомил бы вас и с нашими порядками.

Мы обошли довольно длинный ряд небольших комнат. В каждой стояла кровать, а в некоторых по три и по четыре. В последних помещались больные, платящие *minimum* за свое содержание. В стороне находилось несколько довольно обширных зал, служащих сборными пунктами для больных; здесь была устроена гимнастика и стоял миллиард.

– У нас больные пользуются полной свободой, – сказал мне доктор, – они могут оставаться в своих номерах, могут посещать друг друга, собираться в общих залах и т. д. Иногда между больными затеваются драки, но это бывает довольно редко, и мы их тотчас же разнимаем.

– Драки! но ведь это ужасно!

– Успокойтесь, мой друг. Наши больные все равно что малолетные. Чувство оскорбления им недоступно! Они так же легко мирятся, как и ссорятся.

– Позвольте! Больные, то есть помешанные, – это так. Для помешанных съесть плюху или две – действительно ничего не составляет. Но ежели между больными, по недоразумению, очутится здоровый человек... вот, например, как я...

– А! вы все о том же... Итак, продолжаю. Наши больные пользуются известными правами. Они имеют право играть в карты, гулять в определенные часы в саду, носить какую угодно одежду (хотя бы даже военную), кушать подаваемый им обед и прочее. В этом отношении у нас допускаются даже прихоти. Но, кроме прав, у больных имеются еще обязанности, из коих главнейшая заключается в том, чтобы не роптать на порядки, которые здесь приняты. Всякое нарушение в этом смысле сопровождается ванною, кожаными рукавицами и одиночным заключением.

– Ах! это ужасно! Есть-то, есть-то, по крайней мере, дают ли у вас?

– Пища у нас дается здоровая и достаточная. Вот, кстати, мы и до кухни дошли. Повар! что у нас нынче готовлено к обеду?

– Суп протоньер-с, корюшка-с, пирожное шпанские ветры-с.

– Шпанские ветры? Я целого гуся, доктор, могу съесть, а вы меня на шпанских ветрах держать будете! Ужели это достаточная пища!

– Повторяю: пища у нас дается здоровая и достаточная. Если б вы были «хронический», я позволил бы вам, разумеется на ваш счет, заказать и еще одно-два блюда. Но вы «острый». Острым в нашем заведении, сверх установленной пищи, предлагаются: свежий воздух, достаточный моцион и здоровый, укрепляющий сон. Затем, по окончательном излечении, каждый имеет право отправиться к Дюссо и спросить там, что ему угодно. Но не раньше, как по окончании лечения!

– По крайней мере, позвольте узнать, когда можно надеяться на это "окончательное излечение"? Вот, например, я. Я не понимаю даже, каким образом я здесь очутился. Кто в этом деле судья?

– Я, – ответил он с такою уверенностью, что меня подрал по коже мороз.

– Конечно, вас будут свидетельствовать в губернском правлении, но так как данных, на основании которых можно было бы вывести правильное заключение насчет нормальности или ненормальности ваших умственных способностей, еще не имеется,

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru то хотя бы вы и протестовали, вас все-таки оставят на испытании. Затем, вас месяца через два вновь освидетельствуют и вновь оставят на испытании. И так далее. Тот купец, о котором вы меня спрашивали, тоже протестовал, даже очень-очень протестовал, но это не помешало ему полгода пробыть в нашей больнице. Вообще, прежде всего, в вашем выздоровлении должен убедиться я. Покуда я не убедился, у меня в руках будет всегда очень хорошее оружие против вас – это журнал ежедневных наблюдений над вами, который составляю я и опровергнуть который вы, как человек, считающийся умственно поврежденным, не в силах. Всякий больной убежден, что он здоров, но журнал ежедневных наблюдений говорит противное. Поэтому я советовал бы вам вполне положиться на меня. Если же вы не последуете этому совету, то едва ли можно даже приблизительно предсказать, как скоро господин Дюссо будет иметь честь сервировать вам *languettes de boeuf, sauce tomates*...[2]

– Доктор! я вижу перед собой двери ада!

– Отнюдь. Мы просто стоим перед дверьми номера первого, в котором помещается мой лучший пациент, господин штабс-ротмистр Поцелуев.

– Ба! Поцелуев! не пензенский ли? не сын ли корнета Петра Ивановича Поцелуева?

– Он пензенский, и, вероятно, сын того Поцелуева, которого вы знаете, потому что его зовут Иваном Петровичем.

– Ваня! да ведь это мой троюродный племянник! Неужели и он сошел с ума?

– Да, он хронический. Помешательство его самое разнообразное, но главных мотивов три. Во-первых, он полагает, что ему, не в пример другим, одному в целой армии дозволено носить выпускные воротнички; во-вторых, что он венгерский гонвед и был командирован графом Бейстом в Мадрид, чтоб оттеснить господина Марфори и заменить его в милостях экс-королевы Изабеллы, и в-третьих, что ему разрешено устроить международный цирк. Остальные пункты помешательства, как, например, убеждение, что королева Изабелла подает своим подданным пример грациозного исполнения качучи, или еще, что он вынужден был выехать с своим цирком из Ташкента, потому что его кобылам начали делать слишком выгодные предложения, – все это не больше как детали, которые вертятся около трех главных пунктов. Вообще, это очень добрый малый, который вполне сохранил идеалы своей прошлой жизни, разумеется, преувеличив их. Ба! да вот, кажется, и он сам возвращается с прогулки.

Действительно, в эту минуту, внизу лестницы, послышалось пение моего племянника. Сначала он пел общекавалерийский романс "La donna e mobile", [3] но вдруг бросил его и запел:

A Provins

Trou-la-la...

– Mon oncle! [4] – заревел он, увидев меня.

– Ну вот, и прекрасно. *Charme de vous voir en pays de connaissance*, [5] – сказал доктор. – Мсье Поцелуев! расскажите-ка вашему дядюшке, как вы ездили с поручением в Мадрид.

– Ah! mais c'est tout une histoire! [6]

– Ну да. Расскажите. Au revoir, messieurs! [7]

Сказав это, доктор удалился, оставив меня лицом к лицу с Ваней.

–

Передо мной стоял высокий, ширококостный, но худой и бледный юноша, в котором я с трудом узнал прежнего, столь памятного мне Ваню Поцелуева. Не более как полтора года тому назад я видел его – и какая с тех пор произошла разительная перемена! Тогда это был настоящий пензенский коренник, белый, румяный, выпеченный, с жирною, местами собравшеюся в складки грудью, с трепещущими от внутреннего ликования ляжками, с заплывшими глазами, имевшими исключительное

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru назначено представлять собой орган зрения, с лицом, на котором, казалось, было написано: был, есть и всегда пребуду в здравом уме и твердой памяти. Вне пределов службы у него было только четыре претензии: 1) чтобы, при сгибании у локтя руки, мышцы верхней ее половины образовывали совершенно круглое и твердое, как железо, ядро; 2) чтобы за кулисами театров Буфф и Берга все кокотки понимали его как образованного молодого человека; 3) чтобы татары всех ресторанов, не беспокоя его расспросами, прямо сервировали ему тот самый мени, который он имел обыкновение в данное время употреблять, и 4) чтобы не манкировать ни одного представления в цирке Гинне. Ко всему прочему он был равнодушен и даже не добивался чести называться «консерватором», к чему в настоящее время стремится всякая сколько-нибудь благовоспитанная лошадь. Он просто «жил» или, лучше сказать, не возбранял, чтоб жизненная сила в нем действовала...

Таким, по крайней мере, он представлялся нам, его родным, видевшим в нем гордость и утешение рода Поцелуевых. Мы знали в нем телеса ("не уколупнешь!" – невольно думал всякий из нас, взирая на него), но не знали души и вряд ли даже подозревали ее существование. И вот теперь оказывается, что мы ошибались, что и у него, где-то далеко за кокардою, помещалась душа, а в этой душе потихоньку копошилась тоненькая-тоненькая струйка того, что известно под именем сознательности. И он имел свои идеалы, и он мечтал. Мечтал об экс-королеве Изабелле, а может быть, и об экс-императрице Евгении. Мечтал о кобыле «Одалиске» и жеребце «Шамиле». Мечтал о том, что когда скончается дядя, корнет Поцелуев-второй (этот дядя без ума любил Ваню и назначил ему все свое сердобское имение), то он сейчас же обратит полученное наследство в деньги и выстроит на царыном лугу обширнейший в мире цирк, в котором, в виде крохотных приделов, будут помещаться все прочие ныне существующие цирки. При неважности этих мечтаний, он мог бы прожить с ними всю жизнь, оставаясь в здравом уме и твердой памяти, и никакое губернское правление, конечно, не уличило бы его в противном. Но наступило время реформ и разом доконало этот мощный организм, вызвав наружу всю чужь, которая дотоле таилась на дне души. Успехи, сделанные войсками всех стран и во всех родах оружия, усовершенствования в форме воинской одежды, уяснение значения воинской корпорации и ее отношений к массе так называемых *pekins*[8]

– все это не могло не вызвать Ваню к деятельности, не взбудоражить его умственных сил. Но так как силы эти были сами по себе не велики и сверх того были заблаговременно подточены фантастическими вожделениями несомненно глупого свойства, то результаты умственного пробуждения Вани оказались самые жалкие. Он разом открыл шлюзы, которыми дотоле сдерживались его душевные движения, и, однажды открыв их, уже не мог воспрепятствовать свободному течению той дребедени, которая и прежде в скрытом виде угнетала его.

И вот теперь Ваня стоял передо мной, неузнаваемый, обновленный. Розы и лилии исчезли с его щек; грудь впала; ляжки не трепещут; голос получил резкие, болезненно-звонящие тоны; глаза беспокойно вспыхивают, и – о, удивление! – даже кажутся выразительными.

– Итак, *cher oncle*, вы желаете, чтоб я рассказал вам о моей *campagne diplomatique a Madrid*?[9] Так-с? – спросил он меня не без некоторого фатовства, когда мы расположились в его номере.

– Да, пожалуйста! Ты знаешь, как меня интересуют успехи всего вашего семейства!

– *Eh bien, je vais vous satisfaire*. [10] Но предупреждаю, что у меня очень-очень немного времени. *Je suis en affaires ce matin, voyez-vous*. [11] Во-первых, я заключаю внутренний заем; во-вторых, мне предстоит поездка в манеже; в-третьих, суд; в-четвертых, утренний визит к Одинцову; в-пятых, обыкновенная передобеденная прогулка, *et cetera, et cetera*. *Sapristi! nous ne perdons pas notre temps, mon oncle!* [12] Успехи оружия таковы, что мы буквально не успеваем следить за ними. *Nous ne nous suffisons plus*. [13] Все изменилось: рысь, галоп, марш-марш – все! *Il n'y a que la bete qui reste intacte*. [14]

– Да, мой друг, реформа – это такая вещь, что ежели раз она завелась, то ничего уж не поделаешь. И рысь, и галоп, и марш-марш – она все подточит. Больно, душа моя! Не за себя больно, а за все эти, так сказать, краеугольные камни! Но, впрочем, что об этом толковать! Рассказывай-ка лучше об себе!

– Итак, к делу. В одно прекрасное утро меня призывает Бейст – *vous savez? se*

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru chenapan de Beist, qui a écrit ce livre... «Manuel»... "Manuel"... ah, oui! "Manuel du laquais cosmopolite"... c'est ça! Eh bien, il me fait venir chez lui, le chenapan, et me dit: mon cher! Vous pouvez nous rendre un très grand service, à moi et à Sa Majesté Très Dualistique!.. [15]

– Позволь, душа моя! Ты говоришь: Бейст! Но какое же отношение мог иметь Бейст к тебе, штабс-ротмистру русской службы?

– Во-первых, mon oncle, я прошу вас не прерывать меня, потому что сейчас должен явиться мой банкир – и тогда n-i ni c'est fini. [16] Во-вторых, tenez vous cela pour dit: [17] если я штабс-ротмистр, то это нимало не мешает мне быть в то же время венгерским гонведом, французским зуавом, прусским уланом – que sais-je? – pourvu que je serve la bonne cause! [18] Следовательно, не только Бейст, но и Персиньи, и Бисмарк, и даже Садык-Паша – все имеют право возлагать на меня поручения. J'espere que c'est clair! [19]

– Послушай, однако ж! Вот доктор говорит, что это, так сказать, твой пункт... понимаешь? Не лучше ли было бы тебе воздержаться от такого рода разговоров?

– Доктор и мне говорил то же, но я его убедил. Ведь я, mon oncle, произведен в «хронические»! По-здешнему, это вроде... comme qui dirait: [20] от инфантерии... да-с!

– Ну если так, то продолжай!

– Итак, призывает меня Бейст и говорит: Vous avez un service signalé à nous rendre, à moi et à Sa Majesté Très Dualistique. Vous vous rendrez de ce pas à Madrid et vous tacherez de flanquer une jolie taloche dans le dos de ce gueux de Marfori, qui nous fait des embarras... ah! mais des embarras! [21] – Рады стараться, ваше сиятельство! – Mon cher! вы должны проникнуться всею важностью вашей миссии, и потому должны знать всю истину, toute la verité, rien que la verité! [22] Собственно говоря, Isabeau – далеко не обольстительна, но донесения наших тайных агентов удостоверяют qu'elle a des charmes secrets. C'est toujours une fiche de consolation, mon brave! [23] – Рады стараться, ваше сиятельство! – Итак, поезжайте, и судьба да просветит сердце ваше! Помните старый девиз Австрии: tu, felix Austria, nube! [24] – и действуйте неукоснительно! – Сказав это, он подал мне руку и отпустил. Дядя! Скажите! что сделали бы вы на моем месте?

– Разумеется, поехал бы! C'est grave, mon cher, vois tu! c'est très grave! [25] Ведь это именно то самое, что в наших газетах известно под именем "иностранный политики"?

– То самое. И я именно так и поступил... Я велел Прокофью уложить мои чемоданы – et v'ian – me voilà à Madrid! [26] прежде всего, comme de raison, [27] я спешу увидеть Марфори. Отправляюсь на бой быков – это такой genre [28] у них: у австрияков развод с церемонией, а у них бой быков – и действительно встречаю его там. Смотрю – ничего особенного! Le museau d'un perruquier qui veut se faire respecter, la poitrine plate, la jambe... sans la moindre expression! [29] Ну, думаю: гонведа, которого с малолетства откармливали желудями, этим не удивишь! Но что важнее всего, в этот же раз я увидел и ее...

– Не хороша?

– Представьте себе тетеньку Кирьяку Ивановну, когда она в домашнем неглиже от дворовых тальки принимает. Одним глазом на тальку смотрит, а другим косится на выездного лакея Микешку... voilà!

– Надеюсь, однако, ты не дрогнул?

– Ma foi, je me suis dit: [30] это моя первая дипломатическая кампания; il faut que je m'exécute. Je prends mon courage à deux mains, je viens chez le général Serrano et je lui dis: [31] генерал! так и так, сегодня вечером мне во что бы то ни стало надо видеть Isabeau. – Impossible! [32] – отвечает Серрано, – Марфори ни на минуту от нее не отходит! – Генерал! – возражаю я, – мы братья по оружию, с тою лишь разницею, что вы служите незаконному правительству, а я – законному. Взгляните на меня: ведь во мне без вершка три аршина!.. Тогда он пристально осмотрел меня с головы до ног и сейчас же решился. – Вот вам ключ от Эскуриала,

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru благородный молодой человек! – сказал он мне, – идите, я сам буду сопровождать вас. И если б вы встретили на пути препятствия, махните только из окна платком – мы тотчас же сделаем в вашу пользу *pronunciamiento*...[33] С этими словами он вручает мне ключ, и я отправлюсь в свою *veranda* или *locanda* – *je ne sais plus le quel!* {гостиницу

– не знаю как там.} – ожидать вождя часа.

– Но знаешь ли, душа моя, что ты ведь очень рисковал!

– *A qui le dites-vous, mon oncle!*[34] Но я вспомнил слова *maman*: *Jean!* *m'a-t-elle dit, si vous voulez avoir-du succes aupres des femmes, vous n'avez qu'a etre entreprenant.*[35] И вот, в эту трудную минуту я сказал себе: *soyons entreprenant, saperlotte!*[36] В полночь я был уже в полном гонведском мундире и, подвязав палаш, шел по уединенным аллеям Эскуриала. Сзади меня, в нескольких шагах, как тень, бесшумно следовал Серрано. Теперь я попрошу вас, *mon oncle*, представить себе теплую, темную, тихую испанскую ночь!

– Душа моя! это должно быть волшебю!

– Волшебю – *c'est le mot.*[37] Я иду по аллеям под сводом столетних лимонных дерев; впереди ни зги не видать; *le bruit de mes pas est amorti par le sable;*[38] кругом мертвая тишина; вдали, словно мышь, шуршит в кустах сопровождающий меня генерал Серрано; во дворце огни давно потушены; воздух напоен запахом апельсинов, лимонов, грецких орехов, миндаля... *parole d'honneur, on se croirait aux Milioutines!*[39] Я спешу, я чувствую, как дрожит моя рука, повертывающая в замке ключ... Наконец я отпираю, вхожу... *v'ian! je donne a plaines voiles dans le Marfori, en conversation criminel, – le avec la mere Patrocinia! Sensation generale. Le Marfori se trouve mal et commence a crier a tue-tete. La mere Patrocinia tombe evanouie et eteint le cierge qu'elle tenait en main et qui eclairait cette scene de crime et de parjure! Je vois accourir Isabeau en bonnet de nuit; je cours, je vole au devant d'elle, en n'oubliant pas toutefois de faire ressortir les avantages de mon uniforme...*[40]

– Какое, однако, трудное и сложное положение!

– *C'est ce que je me suis dit.*[41] Но я решился выйти из него с честью. Я остановился перед нею и голосом, не допускающим возражений, произнес: *Madame! des raison de haute politique exigent que le Marfori me cede la place. C'est triste, mais c'est vrai.*[42] На минуту, она, казалось, задумалась, но скоро я мог уже убедиться, что взор ее постепенно приковывается к моему мундиру. Еще мгновение – и поручение Бейста было бы выполнено! Как вдруг нас оглушает целый залп ружейных выстрелов. *Isabeau* бледнеет и восклицает: это проказы изменника Серрано! *Marfori se retrouve mal; la mere Patrocinia qui venait de rallumer son cierge, le laisse tomber a terre.*[43] Один я, с палашом в руках, жду разъяснения этого беспорядка. В эту минуту входят: Серрано, Прим и Топете. – *Madame!* – говорит Прим, – карета готова! – Но позвольте, *messieurs!* – вступаюсь я, – по крайней мере, объясните мне, что такое здесь происходит? – Молодой гонвед! – отвечает Серрано, – то, чему вы сейчас были свидетелем, называется по-здешнему гишпанскою революцией!

– Тс... следовательно, ты был, так сказать, косвенной причиной, изменившей лицо Испании?

– *C'est vous qui l'avez dit, mon oncle.*[44] Но представьте себе мое изумление! Начинается суматоха невообразимая. *Isabeau* укладывается, *Марфори*, с зеркальцем в руках, фабрирует себе усы на дорогу, *la mere Patrocinia* впопыхах куда-то засунула ящик, в котором была заключена египетская тьма... Я один все еще держусь и протестую; *je risque meme le nom du chenapan Beust – eh bien! pas le moindre effet! L'on s'en moque – et voila tout. "Alloz nominos doz popoloz Espagnoloz! Vos povedoz filadoz!" – ce qui en bon francais veut dire: au nom du peuple espagnol! vous pouvez filer! – s'explique enfin Topete en accentuant sur les oz. Alors je me dis: ah bas! si c'est au nom du peuple espagnol – c'est autre chose! Filons! je n'ai rien a objecter! Et v'ian! me voila derechef a Vienne, faisant le pied de grue dans l'antichambre du comte Beust!* {я рискую даже назвать имя негодяя Бейста – и что же? ни малейшего эффекта! Посмеиваются над этим – и все тут! "Во имя испанского народа!", что на добром французском языке должно означать: во имя испанского народа! Вы можете убираться! – говорит наконец

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Топете, налегая на oz. Тут я говорю себе: ну, если во имя испанского народа

– это другое дело! Уберемся! не возражаю! И вот я снова в Вене, ожидаюсь в приемной графа Бейста!}

– Ну, Бейст-то, я думаю, пожурил-таки тебя!

– Совсем напротив. Принял с распростертыми объятиями. A votre insu, сказал он мне, – vous avez fait une revolution, et pour le moment c'est tout ce qu'il nous faut! la candidature Hohenzollern va faire le reste! Jeune homme! Vous pouvez aller paître a Penza![45]

– Ну, а награды-то все-таки не дали?

– Награду, mon oncle, я получил уже здесь. Как только я явился сюда с письмом от Бейста, так меня сейчас же произвели в "хронические"!

Сказав это, Ваня вдруг поник головой. Возбужденное состояние, в котором он находился во время рассказа об испанской дипломатической кампании, внезапно оставило его, и он впал в полнейшую прострацию. Он беспреестанно тер себе лоб, как бы отгоняя несносную головную боль, боязливо дул по обе стороны на плечи и бормотал:

– Le titre d'aliene chronique – c'est presque l'equivalent du titre de grand d'Espagne! Ah! C'est un bien grand fardeau a porter, mon oncle![46]

Целый час он просидел в креслах с закрытыми глазами. Спал ли он в это время или только мечтал – я не могу сказать определенительно. Но ежели он спал, я уверен, что во сне ему представлялся rendez-vous Марфори и Патрочинии, потому, что на губах его, по временам, скользила блаженная улыбка. Я смотрел на него и припоминал мой недавний разговор с доктором. Да, сумасшествие есть не что иное, как продолжение обыденной человеческой жизни или, лучше сказать, это полнейшее ее откровение. Человек вовсе не сходит с ума в буквальном значении этого слова и ни на йоту не делается глупее против того, чем он был в здоровом состоянии. Вся разница между здоровым человеком и помешанным заключается в том, что первый полагает известную границу между идеалами и действительностью, а второй никакого различия в этом смысле не признает. Идеалы гурьбой вторгаются в действительную жизнь и перемешиваются с ее обыденными отправлениями, но это не новые, только родившиеся идеалы, а те же самые, которые человек лелеял и в здоровом состоянии и которые составляли лучшую, заветную часть его существования. Человек внезапно обнаруживается весь, является на суд публики, снабженный бесчисленным множеством комментариев, формулирование которых, при обыкновенном порядке вещей, потребовало бы от постороннего наблюдателя большого труда и далеко не ординарной проницательности. Вот он! вот та таинственная подоплека, которая некогда повергала в недоумение! Вот почему он тогда-то поступил так-то, а в другом случае так-то, и вот почему мы, удивлявшиеся кажущейся беспричинности этих поступков, оказывались лишь недалезозоркими и непроницательными. Теперь

– все это ясно как день: он сам, в живом и художественном образе, представил нам непрерываемое объяснение всего своего прошлого, всех тех невозможностей, которые нередко поселяли в нас изумление, смешанное с испугом.

На первый взгляд, сближение между Ваней и экс-королевой Изабеллой кажется фантастичным, но это кажется только до тех пор, покуда мы не знаем идеалов, которыми он питался тогда, когда и он сам, и все окружающие его считали его в полном обладании умственных сил. У каждого человека имеются свои идеалы, но в то время, как один, сообразно с своей жизненной обстановкой, мечтает о вечном движении, другой – о бесконечно великом и бесконечно малом, третий – о судьбах, ожидающих человечество в отдаленном будущем и т. д. Ваня (тоже сообразно с своей жизненной обстановкой) мечтал об идеальной посадке на коне, об идеальных формах лошади и о том идеальном житье, когда, по щучьему веленью, по моему хотенью, к услугам человека является все, о чем тоскует его сердце, то есть рысаки, карты, вино и женщины. Этот мечтательный мир, в который уносились фантазия Вани, сперва на сон грядущий, а потом и в другие свободные от обычных занятий часы, явился не произвольно, а имел корни в действительности, в наклонностях, первоначально данных воспитанием и потом консолидированных дальнейшею обстановкой жизни. Вся разница в том, что в реальной жизни факты принимали простую, несложную форму, а в жизни идеальной они подвергались более или менее запутанным комбинациям. В

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru этом смысле Изабелла всегда составляла одну из главных реальных основ существования Вани, и приключения, вроде марфориевских, были тут как нельзя больше у места. Будь я сторонником теории прирожденных идей, я сказал бы, что такова была прирожденная идея Вани; но даже и не будучи последователем этой теории, я считаю себя вправе утверждать, что представление о марфориевских подвигах есть наиболее свойственное той обстановке и тому кругу условных понятий, среди которых он вращался. Бедный Ваня! быть может, еще не имея о Марфори ни малейшего понятия, он уже во всех деталях уяснил себе неотразимую привлекательность марфориевского промысла. Быть может, что он уже вопрошал с этою целью прошедшее, настоящее и будущее, что он мысленно перебивал поочередно фаворитом Семирамиды, Клеопатры, Мессалины, королевы Помаре и проч.? И вдруг, в то самое время, когда вся эта махинация была у него в полном ходу,

– ему попадают "Тайны мадридского двора", из которых он убеждается, что секретная основа его жизни уже осуществлена. И кем осуществлена! каким-то проходившем Марфори, у которого даже «посадки» порядочной нет, у которого – срам сказать! – грудь совсем не похожа на колесо, а ляжка скорее напоминает *le bras de la vieille comtesse Romanzoff*, [47] нежели ляжку настоящего, сколько-нибудь уважающего себя мужчины-производителя!

Через час в двери номера осторожно постучались. Заслышав этот стук, Ваня мгновенно вскочил, и к нему столь же внезапно возвратилась его бодрость, как внезапно же, час тому назад, произошел упадок сил.

– *Mon oncle! vous m'excuserez si je ne m'occupe plus de vous! Parole d'honneur, je suis en affaires!* [48] Я должен сегодня во что бы то ни стало покончить с внутренним займом! – обратился он ко мне, – деньги до зарезу нужны, а пензенские корнеты и не думают высылать! *Aussi, je conclus un emprunt a la maniere austriaque:* [49] живо, и с надеждой не заплатит! *Mais vous allez voir cela vous-meme, si rien ne vous presse de me quitter!* [50] Эй, жид! полезай!

На этот возглас вошел прекраснейший и честнейший еврей, по фамилии Гольденшвейн, который, как я после узнал, тоже содержался в больнице умалишенных и был помешан на возрождении еврейской нации. Возрождение это, по мнению его, могло осуществиться лишь тогда: 1) когда евреи прекратят печатание объявлений о распродаже настоящих голландских и билефельдских полотен; 2) когда они перестанут взимать так называемые «жидовские» проценты, и 3) когда, захватив в свои руки все банкирские операции, сняв на аренду все кабаки, овладев всеми железнодорожными предприятиями и окончательно опутав мужика, они докажут изумленному миру, что может совершить скромная нация, которая находит небезвыгодным считать себя угнетенною. [51]

При входе ростовщика Ваня подмигнул мне одним глазом, как бы говоря: *vous allez voir si je suis expeditif!* [52]

– Ну, Брошка (уменьшительное от Иерухима)! вексельная бумага при тебе?

Гольденшвейн только воздел руками в ответ, как бы безмолвно протестуя против самого предположения об отсутствии в его кармане вексельной бумаги.

– Пятьдесят?

– О вей мир! сорок! как можно пятьдесят! и бумазка пятьдесят рублей – нехоросая, фальсивая бумазка!

– Вот, *mon oncle*, судите сами! можно ли поступать с ними иначе, как а *la maniere austriaque!* [53] Я ему в пятьдесят тысяч вексель пишу, а он из пятидесяти рублей десять отжильте хочет!

– Ваня! но это безумство! дать вексель в пятьдесят тысяч и получить за него сорок рублей! *Mais vous compromettez ainsi la fortune, qu'en qualite du dernier des Potzelouef, vous devez transmettre a vos enfants!* [54] Остановись, душа моя!

– Не беспокойтесь, *mon oncle!* Он знает *que c'est ma maniere d'emprunter.* [55] Я ему уж полтора миллиона таким образом должен. Ну, черт с тобой, жид! Давай деньги!

– А деньги же в конторе! Иван Карлыц же их отобрал! Ваня позвонил; на зов явился

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru сторож.

– Mon oncle! Это тот самый курьер, который ломал со мною походы в Мадрид! Прокофьев! помнишь, как мы с тобой из Гишпании улепетывали?

– Точно так, ваше превосходительство!

– А что, небось, брат, струсил, как из ружьев-то настоящим манером попаливать начали?

– Точно так, ваше превосходительство!

– А я так не струсил. Ну, хорошо; беги теперь к Карлу Иванычу и скажи ему, чтоб списал сорок рублей со счета Брошки и записал в мой! Et maintenant, l'affaire est baclée! Je suis plus riche de quarante roubles, et le juif est plus pauvre de la même somme – là est tout le secret de l'opération![56] – продолжал Ваня, обращаясь ко мне.

Затем он взял из рук почтенного еврея лист вексельной бумаги и совершенно отчетливо написал: "я, нижеподписавшийся, обязуюсь уплатить хриstopродавцу Брошке, или кому он прикажет, пятьдесят тысяч рублей, сроком от нижеписанного числа, когда мне то заблагорассудится. Fait a St.-Petersbourg, ce 19 Janvier,[57] в год от разорения Иерусалима 50001. К сему заемному письму Aliene chronique Jean de Potzeloueff[58] руку приложил".

– Ce n'est pas plus long que ça![59] – сказал он мне, показывая вексель.

– Ну, а теперь, Брошка, – брысь! Бери вексель в зубы, и чтоб духу твоего не пахло! Ainsi, vous connaissez le secret de mes opérations financières, mon oncle![60] – продолжал он, когда еврей вышел, – que voulez vous! Nous tous, tant que nous sommes, nous ne faisons pas autrement![61] Не дают, подлецы, на других условиях! Да ведь и я тоже не промах. Да-с, любезный Брошка, тут еще будет судоговорение! Вы заметили, mon oncle, какую я штуку выкинул! "Обязуюсь заплатить, когда мне то заблагорассудится!" Ха-ха! Когда заблагорассудится! Да-с, тут еще будет... су-до-го-во-ре-ние! – И он так блаженно улыбался, говоря это, что мне невольно пришло на мысль: Ваня! о, если б ты всегда был помешан!

– Однако мне уж время проездку делать! надеюсь, mon oncle, что вы не откажетесь присутствовать при этом?

Мы прошли в большую залу, где была устроена гимнастика. Больные отчасти прогуливались в саду, а отчасти разбрелись по номерам, и потому зала была пуста. Только один субъект, в куртке, в рейтузах, в кавалерийской фуражке без козырька и в грязновато-белых замшевых перчатках на руках, прохаживался взад и вперед по комнате, заложивши одну руку за спину. Это был меланхолик, юнкер Потапенко, добровольно принявший на себя роль ординарца при Ване. Он ожидал нас и при нашем появлении вытянулся и сделал рукою под козырек.

– Тесноват немного у нас манеж, – сказал мне Ваня, указывая на залу, – серьезная проездка просто невысказима, а между тем требуют, чтоб солдат исполнял почти все то, что исполняется в цирке. Оттого-то все и идет у нас так себе, slip-slopant.[62] Благих намерений пропасть, а исполнение

– швах. Просто жалость смотреть на лошадей, как они путаются. On ne veut pas comprendre que la bête doit avoir de l'espace devant elle![63] Грустно. Людей у нас нет, mon oncle! таких людей, которые могли бы понять! А впрочем, что же тут толковать! ведь мы с вами людей не сделаем! Позвольте-ка мне лучше рекомендовать моего коня – жеребец исполнительный! А-с? каков круп?!

Он указал рукой на деревянную, обшитую кожей и утвержденную на двух треножниках кобылу, служившую для каких-то гимнастических целей. Но он очень серьезно принимал ее за настоящего коня, потому что потрепал ее рукою и даже слазил посмотреть, что у нее под брюхом.

– У лошади, mon oncle, голова должна быть сухая, нога как стальная, круп круглый, широкий, как печь, c'est l'essentiel![64] Лошадь, которая имеет круп остроконечный...

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru Но вдруг речь его порвалась, и лицо, дышавшее приветливостью, потемнело. Он молча поманил указательным пальцем несчастного Потапенко, который ни жив ни мертв, словно неслышный зефир, подлетел к нему – и замер на месте, держа руки по швам.

– Это видишь? – с неизреченной непреклонностью во взоре и голосе спросил Ваня, указывая на какую-то неизмеримо малую величину, темневшую в виде пятнышка под воображаемым хвостом, – опять хвост не подмыт?

Потапенко, не переменяя положения, скосил глаза в указываемую сторону и проговорил:

– Виноват, ваше превосходительство! Вчера выпивши был!

– Пятнадцать! – твердо произнес Ваня, отпуская манием руки Потапенку, который, сделав направо кругом, зашагал к окошку и там опять замер руки по швам. – Ну вот хоть бы это! – продолжал Ваня, обращаясь ко мне, – телесные наказания уничтожены – *mais au nom de Dieu! est-ce que cela a le sens commun!*[65] Где гарантии, спрашиваю я вас! Могу ли я отвечать за красоту фронта, если я не вооружен достаточными для того средствами! Исполнима ли подобная реформа! – нет, не исполнима! И вот почему никто и не исполняет ее! Это все равно что вот с новыми судами: исполнимы ли решения новых судов? – Нет, не исполнимы, а потому никто и не исполняет их! Суд там себе как хочешь оправдывай, но если нельзя этого выполнить – в результате все-таки... фюить! Or, je vous demande un peu,[66] для чего же писать законы, коль скоро их не исполнять?!

Ваня проговорил все это так резонно, что мне простоказалось, что он рассказывает сущность передовой статьи, только что вычитанной им в одной из современных либеральных русских газет.

С последним словом он молодцом вскочил на деревянную кобылу, стегнул ее хлыстом и разом осадил. В продолжение получаса он проделывал передо мной на этом подобии лошади все, что, в нормальном состоянии, мог бы проделать на настоящей, живой лошади. Подбоченившись одной рукой, он делал вид, что другою держит поводья, и затем привскакивал на галопе, слегка тряся на рысях, наклонно и как бы устремляясь всем корпусом вперед, держал себя на марш-марше и проч., так что в конце концов совсем измучился и вспотел. Но это не мешало ему ни на минуту не прекращать бессвязной болтовни, из которой я узнал его предположения об устройстве международного цирка, насчет чего меня, впрочем, уже предупреждал доктор.

– Вы знаете, *mon oncle*, – говорил он, – что мне разрешено устроить здесь в Петербурге международный цирк. После международного статистического конгресса это будет второй опыт в том же роде. *Ca sera grandiose et fantastique en meme temps*,[67] все мое сердобское имение пойдет туда. *Ah! nous allons joliment festoyer, je vous en reponds!*[68] Представьте себе громаднейшее здание в длину и ширину всего царицынского луга – вот мой цирк. Над зданием, вместо потолка, хрустальный свод; по бокам и углам, в виде приделов, теряющихся в неизмеримости пространства, найдут себе место частные цирки всех возможных национальностей; посередине будет расположена главная, интернациональная арена. Все, что можно найти в целом мире *en fait de chiens et de chevaux*,[69] – всем этим мы будем обладать. Но, главное, мы будем иметь и то, чего совсем нет нигде, – *c'est la le point essentiel*. [70] При главной арене будет существовать целая комиссия скрещиваний (*comme qui dirait, un ministere du progres*[71]), которая именно будет иметь предметом выработку совершенно новых лошадиных и собачьих пород и мастей. *Nous aurons des chevaux-leopards, des chevaux-hippopotames, des chevaux-rhinoceros. Et si la science arrive a creer des chevaux-aigles ou des chevaux-requins – nous en aurons les premiers echantillons.*[72] У нас будет свой главный доктор и свой адвокат. Против главного цирка, где теперь павловские казармы, мы поместим главное управление, которое будет заведовать всеми цирками и во главе которого я полагаю поставить Эмму Чинизелли с Эммой Браатц в должности товарища. Я думал было сделать главноуправляющим генерала Дитятина, но сообразил, что он не знает даже, что значит подмыть у лошади хвост. Во всякой губернии будет открыто один или два цирка – *ca sera toute une reforme!*[73] Разумеется, цирки будут открываться не вдруг, а постепенно, по мере средств, которыми будет располагать наше казначейство. Как быть! судьба всех реформ такова, и сибирским губерниям, быть может, совсем придется остаться без цирков! Посещение цирков будет обязательное, *mais aussi nos cirques fonctionneront jour*

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru et nuit.[74] Мы обязываемся иметь лучших гимнастов, лучших жонглеров, лучших канатных плясунов и, как *conditio sine qua non*, [75] летающего человека. Переход через Ниагару на слабо натянутом канате будет происходить каждый день. По вечерам будет даваться экстраординарное представление для избранных, в заключение которого имеет быть представлена борьба слона с носорогом. *Cela coutera un argent fou*, [76] но я надеюсь иметь субсидию. *Que diable, l'etat peut bien se deranger pour une entreprise aussi grandiose!* [77] Все открытия и усовершенствования в мире лошадей и собак будут усвоены нами немедленно. *Mon oncle!* вы не поверите, если вам перечислить все, что сделано в последнее время в этой сфере! Нынче лошадь уже сидит на задних ногах, но кто может поручиться, что через год или два она не будет ходить на голове – *tout comme un homme!* [78] Вот что мы вправе ожидать от лошади – от одной только лошади! *Et les cochons de lait donc!* [79] я уверен, что даже теперь между ними уж скрывается какой-нибудь газетный фельетонист! Подумайте, какие перспективы! Теперь вы видите какую-нибудь гусарскую кадрили: *c'est triste, c'est mesquin, ca n'a ni verve, ni entrain!* [80] Тогда – вы увидите целые массы, целые сражения! Какая школа! сколько примеров доблести! Гусарские кадрили – *parlez-moi de ca!* *Nous vous servirons des amazones!* mille, dix mille, cent mille paires de hanches a la fois! – *quel coup d'oeil!* *Et nous aurons des cabinets particuliers, s'il vous plait.* *Mon oncle!* *vous qui etes un vieux libertin!* [81] (не говорите! знаю я, как вы в Проплеванной [82] целые полки амазонок формировали!) – вы знаете, что в этом отношении Петербург находится, так сказать, в младенчестве. Мы все это разом двинем. *Tout s'enchaîne et se lie dans mon systeme, voyez-vous.* [83] За особенную плату я покажу Венеру, выходящую из морской пены, – на днях я даже подписываю по этому случаю с Корой Пирль контракт. *Ah bah!* *Je suis patriote, mon oncle!* [84] я сказал себе: мы ездим в Париж, мы тратим там деньги – для чего! Не лучше ли будет, если мы устроим все это у себя и будем тратить наши деньги дома?! *Maïs n'est-ce pas, mon oncle?* [85]

Выпустивши этот поток речей, он ловко соскочил с лошади, сплюнул в сторону, как подобает усталому кавалеристу, и с благосклоннейшей улыбкой продолжал:

– Я в этом отношении даже дальше иду. Я так думаю, что если б у нас были охотники до парламентов, то вместо того чтоб заставлять ездить смотреть на них за границу, я бы дома завел свой собственный парламент: нате! смотрите! Вы подумайте только, *mon oncle*, каких одна Пензенская губерния корнетов в этот парламент вышлет! хоть сейчас на выводку... *parole d'honneur!* [86]

Признаюсь, слышав слово «парламент», я несколько струсил и хотел замять разговор; но когда Ваня тут же примешал пензенских корнетов, то идея эта мне самому так понравилась, что я невольно воскликнул:

– Ну да... ежели собрать пензенских корнетов в одну кучу... а *la bonne heure!* [87] в этом смысле... то есть в смысле выводки... парламент... Это был бы даже очень и очень важный шаг в истории нашего коннозаводства!

– А какая перспектива для цирка! Предположите хоть по одному корнету с уезда – ведь это был бы одновременный наплыв более семисот корнетов... подумайте-ка, *mon oncle*, сколько тут дел можно сделать!

Быть может, он развил бы свою мысль и далее, если б в эту минуту не влетел в зал бледный молодой человек, в фантастическом сюртуке военного покроя, который, с необыкновенно озабоченным видом, доложил, что судьи уже собрались и ожидают только Ваню, чтоб открыть заседание.

– Ну-с, делать нечего, сегодня нам к Одинцову ехать уж не приходится. Но завтра я вас угощаю, *mon oncle*, – это решено. *J'ai un credit illimite!* [88] Правда, что я за каждый десяток устриц пишу вексель в восемь тысяч рублей, но так как я принял за правило вообще по векселям не платить, то выходит, что завтрак, во всяком случае, обходится мне несравненно дешевле, нежели какому-нибудь *rekin*, [89] который платит за свой десяток полтора рубля и притом рискует, что ему кто-нибудь вымажет селедкой лицо.

– Неужели это случается? Не может быть!

– Не только может быть, но не может не быть. Самому мне еще не приходилось никому обмазать рожу селедкой, но ежели я не делал этого, то, признаюсь, потому только, что раз, знаете, усядешься – лень встать. Но как хотите, а иногда просто

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru гадко смотреть на него, mon oncle! Мы, например: мы приходим, садимся и едим – rien de plus simple! [90] Придет rekın и, во-первых, раз десять заглянет в преискурант, во-вторых, начинает потирать себе руки и с каким-то идиотским наслаждением взвешивает, одной ли селедки ему спросить или побаловаться и кусочком сыру. Je vous demande un peu, si ce n'est pas revoltant! [91] Ну, многие и не выдерживают, а вследствие этого, конечно, возникают печальные недоразумения. Но вы сами сейчас все это увидите, потому что одно из подобных недоразумений мы будем сейчас судить.

Нельзя себе представить ничего оригинальнее, как суд сумасшедших. Я не скажу, чтоб это был суд на выворот, или чтоб в приговорах его ощущались перерывы логики, но самое свойство поводов, из которых возникают судные дела, таково, что они нигде в другом месте не могут обнаружиться в такой конкретной, обнаженной форме, кроме сумасшедшего дома. Это будет, впрочем, совершенно понятно, если мы признаем, что сумасшествие само по себе есть, по преимуществу, обнажение тех идеалов человека, которые он, в нормальном состоянии, не решается выказать, иногда вследствие их детской незрелости, а иногда и вследствие того, что идеалы эти слишком явно идут вразрез с понятиями, имеющими ход на рынке. Здорового человека одинаково обуздывает и стыдливость, и боязнь прослыть опасным мечтателем. Ваня, например, даже лучшему приятелю ни за что не решился бы высказать, что мечты о марфорьевской карьере составляют всю основу его существования; теперь – он свободно раскрывал эти мечты всем и каждому не только не стыдясь, но даже с некоторым пафосом. Точно так же, в здоровом состоянии, Ваня, хотя в душе, разумеется, вполне оправдывал уместность и даже необходимость обмазывания селедкой лиц скромно завтракающих rekıns, но в то же время он едва ли решился бы высказать это во всеуслышание. Теперь – он высказывал эту теорию без всякого смущения, и даже изумился бы, если б кому-нибудь вздумалось ее не признавать.

Суд кончен. [92] Бьет около четырех часов; сумасшедшие устремляются в столовую.

– Теперь, mon oncle, я совершенно свободен, – говорит мне Ваня. – Сначала мы обедаем у Дюссо, потом отправляемся в цирк, а затем...

Он наклоняется к моему уху и шепчет мне несколько слов, которых я не могу расслышать, но которые его самого приводят в неистовый восторг.

– Вы только вообразите себе: с усами! – взвизгивает он в заключение.

Само собою разумеется, все предположенные экскурсии мы сделали тут же, в стенах заведения. Но это было ясно только для одного меня: Ваня был убежден, что он выполняет тот самый круг, который выполнялся им и на свободе. Обед, поданный нам (мы обедали в его номере), был обыкновенный больничный, но он, поглощая жиденький «протоньер», был совершенно уверен, что это soupe a la reine, который нигде так не готовится, как у Дюссо. За обедом он выпил целую бутылку отвратительного ревенного настоя, наивно убеждая меня, что это самый лучший коньяк, подобного которому, по маслянистости и концентрированности, нет в целом Петербурге.

– Я, по совету докторов, нынче только коньяк пью, – сказал он мне, – шампанское и даже хереса – все предоставил детям. Бутылка коньяку за обедом

– вот мой урок и затем, до вечера, n-i-ni, c'est fini. [93] Замечено из опыта, что шампанское бьет преимущественно в голову, et vous savez, при наших занятиях, c'est la derniere des choses si la tete n'est pas en ordre. [94] Напротив того, коньяк прямо ударяет в ноги, и таким образом голова всегда остается свежа.

– Но мне кажется, что целая бутылка коньяку...

– C'est trop, vous trouvez! [95] Но поверите ли, мне этого почти недостаточно. Я пробовал, впрочем, доходить до двух бутылок, но тут встретился с чрезвычайно любопытным явлением. Что для меня одной бутылки мало – это факт, но важно то, что когда я приступаю к второй бутылке, то никогда не могу определить ту рюмку, при которой я делаюсь пьян или, лучше сказать, тот совпадающий известной рюмке момент, когда коньяк ударяет прямо в язык. Что-то среднее между двенадцатой и двадцатой рюмкой. Поэтому я принял себе за правило, до поры до времени, держаться одной бутылки, которую я, во всяком случае, могу выпить с уверенностью.

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

– А знаешь ли, многие в этом случае предпочитают водку...

– Знаю, mon oncle, и даже не раз думал об этом. Au fond, [96] тут нет ничего удивительного, потому что водка имеет за себя многие и очень-очень веские преимущества. Во-первых, на меня лично она производит то действие, что у меня только уши потеют. Во-вторых, водка гонит мокроту, тогда как коньяк ее сосредоточивает. В-третьих – et c'est l'essentiel, [97] – ее всякий может выпить втрое более, нежели коньяку, и, следовательно, всякий получает возможность и втрое больше убить времени. Mon oncle! notre plus grande ennemie – c'est cette sacrée journée qui n'en finit pas! [98] А потому водка в этом смысле неоцененна. Но водка имеет один громадный недостаток: ее не принято пить столько, чтоб сделать из этого постоянное времяпрепровождение. Ну, а я, mon oncle, все-таки понимаю, что сзади меня стоят десятки поколений корнетов, которые и из глубины могил кричат: noblesse oblige! [99] и вот почему я пью коньяк.

– Vous êtes un noble enfant, Jean! touchez là! [100]

Мы обнялись и поцеловались. Я очень обрадовался, что наш разговор от водки незаметно перешел на политическую почву, потому что, признаюсь, мне было очень любопытно поспондировать политические убеждения Вани. Что он консерватор – в этом я, конечно, не сомневался, но знает ли он сам, что он консерватор, и откуда пришло к нему его консерваторство, то есть сидело ли оно в нем от создания веков или просто пришло, как говорится, с печки – вот что особенно сильно интересовало меня и как родственника и как человека, лично заинтересованного в успехах русского консерватизма.

– Я очень рад, мой друг, встретить в тебе это благородство чувств, – сказал я ему, – оно доказывает, что ты консерватор по убеждению. Не так ли?

– Mon oncle! – отвечал он мне, – je vous demande bien pardon, [101] но мне кажется, что ваш вопрос прежде всего вопрос праздный. Я гонвед – и ничего больше. Если завтра потребуется, чтоб я был зуавом или янычаром, – я ничего против этого не имею. C'est la plus profonde de mes convictions! [102] Затем, я пью коньяк – c'est encore une conviction. [103] Сверх того, если мне скажут: разорви! – я разорву. Si ce n'est pas la une conviction, je vous en félicite! Mon oncle! tel que vous me voyez [104] – я уже сделал однажды гишпанскую революцию. И ежели графу Бейсту, или князю Бисмарку, или даже Садык-Паше угодно будет, чтоб я сделал гишпанскую революцию дважды, – я сделаю ее дважды. Все зависит от того, своевременно ли будут выданы мне прогонные деньги. Но ежели Садык-Паша скажет: treve de revolution! [105] и на этот предмет тоже выдаст прогонные деньги – я пойду и прекращу! Потому что и делать революции, и прекращать их – а mon avis, c'est tout un! Voilà! [106]

– Но ведь это-то и есть истинный консерватизм, душа моя. Ты консерватор, ты глубочайший из консерваторов, только не отдаешь себе в этом отчета. Ты, по выражению Фета, никогда не знаешь, что будешь петь, но не знаешь именно потому, что твоя песня всегда созрела. Ты не рассуждаешь, потому что чувствуешь, что рассуждение и консерватизм – это, как бы тебе сказать...

– Конечно, если консерватизм состоит в том, чтоб не рассуждать, то я консерватор. Je suis toujours pour la bonne cause... [107] понимаете ли вы меня? Ну, как бы вам это растолковать?.. Ну просто я всегда на той стороне, где начальство!

– Да, но вот ты указал разом три различных начальства: Бейст, Бисмарк и Садык-Паша. Неужели же для тебя безразлично быть по очереди консерватором в пользу каждого из них?

– Совершенно безразлично, mon oncle!

– Хорошо. Я знаю, что и такого рода консерватизм существует. Это консерватизм "de la bonne cause". Переезжают из страны в страну, в одной Дон-Карлосу услуги предлагают, в другой – Франческо, в третьей какому-нибудь Амураду. Но не чувствуешь ли ты, что таким образом ты впадаешь в опасный космополитизм и ставишь себя в ряды странствующих консерваторов, ни в чем не уступающих странствующим революционерам?

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Ваня посмотрел на меня такими изумленными глазами, как будто хотел сказать:
"Космополитизм! Это еще что за зверь такой!"

– Космополитами, мой друг, – поспешил я растолковать ему, – называются такие люди, которые несколько равнодушно относятся к своему отечеству или, лучше сказать, недостаточно усердно следят за его границами по новейшим географическим учебникам...

– La patrie, mon oncle! mais je ne connais que cela! Et vous m'appelez cosmopolite! Oh! mon oncle![108]

– Не огорчайся, душа моя, я не называю тебя космополитом, я только опасаюсь, чтоб "la bonne cause" не увлекла тебя дальше, чем нужно. Космополиты – это самые ужасные люди, мой друг! Их девиз: ubi bene ibi patria,[109] или, по-нашему: bene там, где больше дают подъемных и прогонных денег.

– Mais c'est encore tres joli, ca![110]

– Я и не говорю, что это худо. Я говорю только, что это не все. Иногда, мой друг, обстоятельства так складываются, что приходится выказывать свою талантливость и без прогонов. И это именно всего чаще случается, когда того требует любовь к отечеству. Понял?

– Parfaitement. Mais savez-vous, mon oncle, que c'est tout un nouveau monde que vous me decouvrez![111]

– И вот почему не худо следить за географическими учебниками. Лучше будешь знать, что именно предстоит любить. Вчера, например, отечество немцев кончалось у Страсбурга, а нынче вон оно уж Мец захватило. Ну, и надо любить по Мец включительно, а завтра, может быть, и по самый Париж любить придется!

Ваня задумался; по встряхиваньям его головы я мог заключать, что он старается привести там нечто в порядок. Однако это, по-видимому, не удалось ему, потому что он как-то странно обрубил наш разговор.

– Заметьте, однако, mon oncle! – воскликнул он вдруг, – вот я целую бутылку напитка выпил – и хоть бы в одном глазе!

Я понял, что отвлеченные разговоры еще тяжелы для него, и потому, как ни велико было мое желание посондировать его насчет видов на будущее градоначальничество, но я вынужден был отложить мое предприятие до более удобного времени. Был уже седьмой час вечера (следовательно, до сна оставалось с небольшим два часа), и потому я заторопил его в цирк.

– Mais oui! mais depechons-nous![112] – всполошился он, – а qui le dites-vous![113] мне, который ни одного представления не манкировал! Ah! vous allez voir le "travail complique et sauts de planiglobe a cheval" par Virginie... exquis! Et quele fille![114] Масло!

Мы поспешили в цирк, который оказался в той самой зале, в которой Ваня перед обедом делал проездку. Все общество помешанных было в сборе. Кувыркались, плясали, лазили по лестницам и веревкам, выкрикивали на разные голоса и проч. Меня взяла оторопь при виде этого содома, но на губах Вани все время играла блаженнейшая улыбка. Он видел перед собой настоящую Virginie, настоящую m-lle Aragon и, указывая на них, шептал мне: quelles cuisses! ah sapristi! des hanches de deesse![115]

Наконец пробило девять. Сторожа стали гнать больных по нумерам. Я почти обрадовался этому. Несмотря на празднично проведенный день, я был так измучен, что как ни убеждал меня Ваня (настоятельно повторяя: "с усами, mon oncle, с усами!") ехать с ним вместе туда, но я отказался наотрез. Наконец он отпустил меня, сказав на прощанье: – Eh bien! dans tous les cas vous connaissez maintenant comment se passe ma journee![116] Каждый день так, mon oncle! без перемен!

II

Ночью мне все мерещилось: что было бы, если б жизнь моя так устроилась, что мне приходилось бы проводить ее с глазу на глаз с Ваней? Сумел ли бы я покорить его себе, или же, напротив того, он, непреклонно вводя меня в круг своих

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru наклонностей, привычек и вкусов, успел бы окончательно вышлифовать меня по своему образу и подобию?

Как ни больно это для моего самолюбия, но я не могу не сознаться, что последнее из этих предположений едва ли не правдоподобнее.

Говорят, что высшая цивилизация, высшее духовное развитие порабащают себе низших представителей цивилизации и развития. В конце концов это, конечно, так и должно быть, но, покада придут эти "концы концов", покада будет пройден тот бесконечно длинный промежуток, который образуется между началом и концом сложного процесса порабощения, – сколько трагических перипетий, свидетельствующих о совершенно противном? Примеров пропасть: монголы, гунны и, наконец, в позднейшее время, ташкентцы и так называемые "помпадуры"...

В деле подчинения одного человека другому главную роль играет, во-первых, бесповоротность идеалов, во имя которых предпринято подчинение, а во-вторых, личная энергия, с которой ведется процесс подчинения и сумма которой всегда находится в тесной зависимости от ясности и определенности идеалов. Какого рода эти идеалы, выпренные или низменные – это вопрос второстепенный, имеющий значение лишь в немногих случаях. Важно то, чтоб человек знал, чего он хочет, и чтоб он непреклонно стремился к предмету своих вождлений. Руководствуясь этим законом, англосакс беспощадно уничтожает целые племена дикарей-аборигенов, а монгол и гунн сметают с лица земли памятники вековой цивилизации. Какой-нибудь помпадур, не имеющий другого идеала, кроме калечения людей, но зато уяснивший себе это дело в совершенстве, в один миг раздробит самого глубокомысленного философа, и ему не придет даже на мысль, что если уж признать уместность раздробления голов, то явлению этому следовало бы произойти совершенно наоборот. Что нужды до того, как назовет история все эти поступки и действия, – лично для каждого из этих энергических людей совершенно ясным представляется лишь следующий результат: не их порабащают другие, а они порабащают других.

Я могу сказать без хвастовства, что уровень моего умственного развития несравненно выше, нежели уровень развития Вани. Мне не чужды некоторые идеалы, о которых Ваня и не слыхивал. Я, например, и собственность понимаю, и семейный союз чту, и в необходимости разных других союзов достаточно убежден. Я знаю, что все это краеугольные камни, и потому сам лично никогда не украду, никого не обсчитаю, не вступлю в новый брак при живой жене и тем меньше не сделаюсь ни беспочвенным космополитом, ни слишком почвенным сепаратистом. Но все эти идеалы не настолько для меня неотразимы, чтоб составлять такую потребность, без удовлетворения которой мне была бы жизнь не в жизнь. По нужде, я могу понимать и совершенно иные идеалы, и ежели не сочувствовать им, то, по крайней мере, признавать за ними право на существование. Вот это-то именно и губит меня. Это понимание чужих идеалов лишает меня той энергии, которая возможна лишь под условием полного и безусловного отрицания каких-либо других идеалов, кроме своих собственных. Спросите меня, готов ли я устремиться с мечом в руках на человека, который украл калач, то есть преступил против дорогого мне принципа собственности, – я усомнюсь. Я охотно буду вести разговор о том, как прекрасно, что на свете существует собственность и всякие союзы (чего хочешь, того просишь), но едва ли пойду утверждать эти принципы с огнем и мечом, ибо чувствую, что как только возьму в руки меч, так сейчас же и спасую. Растлевающая мысль, что меч никого не убеждает и что даже очень трудно диспутировать с человеком, у которого в руках меч, парализует все мои намерения, и я невольно краснею и вкладываю меч в ножны. Вложив в ножны меч, я начинаю разговаривать, и, покада слова льются из моих уст целыми потоками, я совершенно не замечаю, как в моих глазах совершается некоторое чудо. А именно: не успеваю я высказать и десятой доли того, что у меня накопилось на душе (а на душе у меня целая передовая статья в шесть столбцов), как убеждаюсь, что меч, от которого я так великодушно отказался, уже очутился в руках моего противника! И вот, завладевши им, он уже сам беспощадно начинает лупить им меня по голове, лупить и приговаривать: "дурак! фалелей! рохля! это тебе за то, что ты меня не лупил в то время, когда имел возможность и право лупить!" Да, и «право», ибо никогда право так не подтверждает само себя, как в то время, когда оно лупит.

Напротив того, Ваня имеет идеалы хотя скудные, вроде марфориевской карьеры или целодневного пребывания в фруктовой лавке Одинцова, но зато вполне определенные. Это идеалы неотразимые, вне которых он ничего другого не понимает, ни к чему другому не может стремиться. Эта исключительность значительно помогает ему. Потомок первобытных пензенских корнетов, он твердой ногой идет по наторенной ими

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru колее, не смущаясь ни изменяющимися по сторонам видами, ни даже препятствиями, которые время и непогоды устраивают на самой колее. Он не слышал ни о каких «союзах», и лишь понаслышке знает о «собственности», но зато знает меч и Одинцова. Выступив однажды на брань с мечом в руках, он имеет лишь одно ясное представление: что этим мечом следует действовать сверху вниз. И если б кто-нибудь ему сказал, что не произойдет особенного ущерба, если меч будет вложен в ножны прежде, нежели «все» враги Одинцова будут перебиты, он прямо назвал бы того человека лжецом. Никакой стон его не удивит, никакой резон не вразумит. Он допускает, конечно, возможность стонов и резонов, но допускает лишь как естественное последствие одностороннего махания мечом. Когда один разит, то понятно, что другой стонет или желает нагрубить, – вот и все. Он даже удивился бы, если б не услышал стоны; он сказал бы: мерзавец! даже не пикнул! Повторяю: его идеалы скудны, низменны, но они срослись с ним, они составляют его вторую природу, а это – то именно и дает ему ту жестокую устойчивость, которую он удивляет мир. И потому, встретясь с ним не только я, слабый провинциал, прошедший всю свою жизнь под гнетом Прокопов, Дракиных, Хлобыстовских и проч., но и всякий другой, несколько попорченный более человеческими идеалами, он, нимало не задумываясь, или поработит, или, в случае сопротивления, не оставит камня на камне.

Представьте себе, что я заточен вместе с Ваней в каком-нибудь чрезвычайно маленьком мире, где мы не можем ступить шагу, чтоб не столкнуться друг с другом и не вызвать друг друга на борьбу. Ясно, что выход из этого положения может быть один: либо мы сотрем друг друга с лица земли, либо сделаемся сиаемскими близнецами. Но стереть Ваню с лица земли мне не под силу: это до такой степени очевидно, что я даже и в мысли не держу подобного предприятия. Остается, стало быть, сделаться его сиаемским близнецом. И вот, я покоряюсь этому, но, в то же время, по обычаю всех слабохарактерных людей, покоряюсь неискренно, а, так сказать, середка наполовину. В уме моем созревает целый план: нельзя ли как-нибудь обойти Ваню, то есть и ему кое-что из своих идеалов уступить, да и его заставить тоже кое-что уступить. План этот так нравится мне, что я, не откладывая дела в длинный ящик, начинаю усовещивать и убеждать моего друга, и делаю это тем охотнее, что самое умственное его убожество, казалось бы, должно облегчить выполнение моей задачи.

– Ваня! – говорю я ему, – ты хоть бы что-нибудь почитал!

– А! да! – отвечает он, смотря на меня с какою-то совершенно безумною рассеянностью, – почитать! да! почитать! А вы знаете, *mon oncle*, что я вчера с Сережей Подснежниковым побился об заклад, что сразу десять коробок висбаденских слив съем? Одну за другой... понимаете! Разом! *sans desseparator!*[117] И съел-с!

– И съел! да?! *Vous etes un noble coeur, Jean!*[118] Но все-таки, душа моя, ты хоть бы легонькое что-нибудь... взял бы, например, "Старейшую Российскую Пенкоснимательницу"... если передовые статьи трудны для тебя – ну, хоть бы фельетону попробовал!

– А! да! вы говорите: «фельетону»! Это хорошо... «фельетону»! Да! да! да! А какой нам сегодня Одинцов ликер посулил... *et bien! je ne vous dis que ca!*[119] Нарочно выписал! Я, признаюсь, давно уж этот ликер угадывал! *J'ai eu comme un pressentiment!*[120] Давно уж я ему говорил: все у тебя, Одинцов, хорошо; да вот нет этого ликера... ты понимаешь!.. нет этого ликера, который бы... и разом и исподволь... понимаешь! И вот, только теперь он отыскал именно то, что следует! *mais j'espere que vous etes des notres, mon oncle!*[121] Мы пробуем... не правда ли?

И так далее, то есть на все мои просьбы «почитать» он непременно ответит каким-нибудь известием из мира овошенных товаров: либо о вновь привезенном и дотоле неведанном сыре, либо о балыке, имеющем совершеннейший вид янтаря...

Я не спорю, что и я мог бы покорить Ваню, если б на его приглашения с тою же первобытною непреклонностью отвечал: дотоле не пойду с тобой в «закусочную», доколе ты не расскажешь содержания хотя одного фельетона. Но в том-то и дело, что высшее развитие, которым я так горжусь, поселило в моей душе бесчисленное множество противоречий, отнимающих у меня всякую возможность действовать непреклонно. Мне все как-то кажется, что Ваня – человек, и в этом качестве не недоступен убеждению. Что вот я сегодня, для смягчения его, съем сотню устриц, завтра выпью залпом стакан коньяку, а послезавтра и он кое-чем меня порадует:

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru сначала прочитает заглавие, потом пробежит строчку или две, потом улыбнется (бедный! ему так мало надобно, чтоб прийти в веселое настроение духа!), а затем – глядь! – и весь фельетон проглотил!

Но тут-то именно и кроется мое заблуждение. Поцелуевы никогда ни перед чем не отступали и никогда никому не уступали. Ласковое обхождение только разжигает их упорство. Убедившись, что я, в угоду ему, выпил стакан коньяку, Ваня помышляет уже о том, как бы заставить меня выпить залпом целую бутылку. Он делается капризен, начинает предъявлять самые неподходящие требования. Он раздражается при одном напоминании о необходимости что-нибудь почитать, и в своем раздражении доходит до того, что, увидев однажды в моих руках маленькую тетрадку, под названием: "Полное собрание сочинений Менандра Прелестнова", бесцеремонно вырывает ее и швыряет в камин (вот почему я до сих пор не издал этих сочинений, несмотря на еженедельные приставания Менандра: издай да издай; но ежели приставания его не прекратятся, я издам; это будет для меня тем более легко, что я знаю их наизусть). Он преследует меня, зачем я глотаю устрицы с шабли, а не с портером, зачем я оканчиваю мой день шампанским, а не *fine Champagne*, зачем я ем селедку с подливкой, а не "безо всего". Кто знает, не сочинит ли он под конец свою собственную теорию сотворения мира и не потребует ли, чтоб я сделался солидарен с его мирозерцанием...

Представьте себе такую картину. Ваня с ногами лежит на грязном обтрепанном диване, украшающем устричную конуру, и без перемежки мечет в меня, сидящего тут же, стрелами своего остроумия.

– Удивляюсь, – говорит он, – как "некоторые люди" находят время что-нибудь читать. Я, например, никогда такого желания не испытал. И полагаю, что никто не назовет меня за это скотом. Не правда ли, *mon oncle*? Да-с; полагаю-с. А если б такой откровенный человек нашелся, то я желал бы видеть, с какою бы он вышел отсюда рожею! *Mais... n'est-ce pas?*[122]

– Но, душа моя... отчего же, однако, не почитать?!

– Оттого, повторяю я, что у меня нет для этого времени... *est-ce clair?*[123] И я в свое время читал... я прочел всего Габорио, всего Поль де Кока, всего Февалья... *que sais-je!*[124] Но теперь, когда у меня явились серьезные занятия... *je me soucie bien de vos Feval!*[125] И я надеюсь, что никто не назовет меня за это ни скотом, ни ослом, ни даже невеждою. Да-с; надеюсь-с.

– Но послушай же, друг мой...

– Позвольте, *mon oncle*, дайте мне кончить. Возьмем хотя следующий пример. С некоторого времени я совсем никуда не хожу, кроме «закусочной» и цирка. Я даже не обедаю. Я посылаю отсюда в трактир за порцией котлет и съедаю их здесь, в этой комнате. *Je ne dis pas que ca soit tout a fait confortable, mais... ca m'arrange!*[126] Но есть люди – я вижу это! *ah! j'ai plus de perspicacite qu'on ne le pense!*[127] – у которых по этому случаю так и вертится на языке слово «шалопай»... *N'est-ce pas, mon oncle?* Конечно... я не знаю... быть может, с точки зрения философии (Ваня с какою-то неизреченною язвительностью произносит слово «философия», как будто надеется пристыдить им меня)... ну да, с точки зрения философии... быть может, оно... но клянусь, что как ни остроумно слово «шалопай», оно никогда не слетит у этих людей с языка... *Vous m'entendez, mon oncle!*[128] – никогда! Ибо в ту минуту, как это слово слетает с языка, я беру за хвост вот эту самую селедку и обмазываю ею лицо шутника!

И так далее.

И эта сцена не единственная. Вводя меня в круг своего мирозерцания, Ваня каждый день угощает меня чем-нибудь в этом роде. С истинно англосаксонскою беспощадностью он ставит меня на известную покатошь, очутившись на которой я уже ни о чем другом не могу мечтать, кроме безусловного поддакивания и изумления перед его остроумием, находчивостью и пронизательностью. Ибо, в противном случае, он, не долго думая, возьмет с тарелки селедку и обмажет ею мне лицо!

Такова сила бесповоротности идеалов и таковы последствия ее для тех слабых характерных, которых сталкивает судьба с людьми, обладающими этою силою.

Но представьте себе, что Ваня не одиночный какой-нибудь экземпляр, а

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru представитель целой категории людей, которая говорит и мыслит как один человек и которая столь же беспощадна в деле махания мечом, как и недоступна внушениям резонности! Представьте себе, что в это единомысленное, почти замкнутое общество попадет, по недоразумению (ведь попал же я, по недоразумению, в сумасшедший дом!), человек, который совершенно лишен врожденной идеи, что селедку надобно есть "безо всего", что шампанское следует предоставить младенцам, а мужам совета приличествует тянуть коньяк, fine Champagne и ликеры! Что должно произойти с ним, какие муки предстоит ему вытерпеть, если он не найдет в себе достаточной твердости духа, чтоб сразу взять шапку и бежать куда глаза глядят? Да и тут еще вопрос: как изловчиться взять шапку, чтоб этого не заметили и не пустили селедкой вдогонку? и куда убежать, где бы не настигла ненависть и месть этих новых Катонов, которые на каждого человека, имеющего на столе календарь, взирают с мыслью: *delenda est Carthago!* [129]

При одной мысли об этих Катонах мороз подирал меня по коже. Я метался в постеле, и перед умственным взором моим проходили целые вереницы людей, из которых каждый считал долгом уколоть меня. Я чувствовал все ничтожество этих уколов, я сознавал всю пошлую безобидность этих уязвлений – но и за всем тем невыносимо страдал. Не физическая боль была несносна, а унизительная обязанность терпеть. Наконец я, однако ж, спохватился. "Бежать! – вскрикнул я вдруг, – да, надо бежать!" Но я уже опоздал. Все как-то странно кругом меня перепуталось и переплелось. Я слишком долгое время мечтал, что как-нибудь да обойдется, да даст бог перемелется, позабудется и т. д., – так что, когда я очнулся, я увидел себя на самом дне преисподней. Передо мною уже не один и не два укола, а целый ворох уколов. Я не могу указать, что именно у меня болит, но чувствую, что весь организм мой в огне. И вот я напрасно стараюсь прорваться сквозь эти сорные кучи, напрасно хочу прорвать тенета, опутавшие меня. Я зятанут, я скомкан, я взят в плен. Я вижу? меня ждет какое-то бесконечно глупое мученичество... Это раздражает меня все глубже и глубже, так что под конец я даже начинаю чувствовать себя способным на что-то совершенно нелепое, почти чудовищное...

Да, думалось мне, как это ни обидно, но должно сознаться, что я способен на такое самопорабощение! Ведь подчинялся же я Прокопу, Дракиным, Хлобыстовским, всем этим Зенонам бессознательности, которые бесцеремонно берут человека за шиворот и ведут его куда вздумается! ведь ходил же я и упраздненного генерала хоронить, и концессию высматривать, не имея ни малейшего позыва ни к тому, ни к другому! Что, если сегодняшняя встреча даст Ване идею о порабощении меня! Ведь он наверное достигнет этого или же при первом моем сопротивлении поступит со мной так же строго, как поступил давешний суд с бедным, забитым сумасшедшим, который был обвинен – шутка сказать! – в «замарании» своего халата! Происшествие, послужившее поводом для суда, заключалось в следующем: какой-то счастливый наглец забавлялся, во время обеда, бросанием подсудимому в тарелку обглоданных косточек и сам же принес жалобу, что подсудимый не только не обуздал его, но совершенно спокойно перенес нанесенное ему оскорбление. И что же! вместо того чтоб наказать обидчика и вступить за обиженного, все сословие умалишенных его же обвинило в "замарании халата", то есть в таком преступлении, ужаснее которого устав дома умалишенных ничего не признает!

Картина этого суда восставала передо мною в малейших подробностях. Все помешанные говорили разом, так что ничего нельзя было разобрать. Обвиняемого ни о чем не спрашивали, а выслушивали только обвинителей. По обыкновению, явилась целая толпа свидетелей, горевших нетерпением утопить обвиняемого в ложке воды.

– Признаюсь, я даже удивлен был! – говорил отставной штабс-капитан Тумаков, – ну, сделай он хоть что-нибудь... ну, обругай... смажь, что ли... все бы, знаете, благородный порыв виден был! А то – ничего-с! Только обдернулся-с!

И он был осужден. "Подсудимый! – сказал ему Ваня ясным и бесстрастным голосом, – отныне, вы навсегда лишены халата! В одном нижнем белье вы обязываетесь блуждать по свету, и общее презрение будет следовать по пятам вашим!"

Что, ежели и со мной будет поступлено точно таким же образом!

–

Где-то, в дальней комнате, пробило двенадцать, а я все еще не спал. Где-то, вблизи, простонал во сне сумасшедший, и опять все смолкло. Наконец, однако ж, утомление превозмогло, и я как-то разом забылся.

Но сон этот был продолжением тех же тревожных снов, которые я испытал в последнее время моего пребывания в Петербурге. Пьянство, концессии, статистический конгресс, политический процесс – все это соединилось вместе в продолжение каких-нибудь двух, трех месяцев! Недоставало только сумасшедшего дома, но вот и он. Ясно, что сон не мог дать мне ни успокоения, ни освежения, что он должен был служить воспроизведением тревожно проведенного дня, воспроизведением, фантастически перемешанным с воспоминаниями молодости и детства, которые как-то особенно живуче представляются человеку в минуты тревог.

Мне снится (очевидно, под впечатлением давешних рассказов о проекте международного цирка), что я мчусь по царицыну лугу на кобыле-тигрице (один из результатов скрещивания, добытых ваней), мчусь и верхом, и стоя, и сидя боком на крупе у самой репицы... Я перескакиваю через ленты и обручи, я прорываю головой заклеенные бумагой «бочки», являюсь поочередно то "индейцем с томагауком в руках", то "матросом, утопающим в волнах океана", то "музыкантом, играющим на деревенской свадьбе"... Проходят часы, месяцы, годы, а я все мчусь, все переодеваюсь, все прорываю головой бумажные бочки... Посредине площади стоит Ваня с бичом в руках и старается достать им меня по ногам. Из одной ложи строго сверкают на меня черные глаза Эммы Чинизелли; из другой – одобрительно ласкают голубые глаза Эммы Братц. О! гоп! о! гоп! о! гоп! – раздается кругом меня. О! гоп! – восклицаю я и сам в каком-то неистовстве. Бока площади словно бисером унизаны зуавами, туркосами, прусскими уланами, венгерскими гусарами, турецкими башибузуками. Это ценители и судьи. Каждый из них бесцеремонно что-нибудь замечает; один – что я задел ногою за обруч; другой – что я дрогнул, когда, стоя одной ногой, так сказать, на хвосте лошади, другую вытянул в воздухе в уровень с головой; третий – что я нечисто прорвал бумажную "бочку".

– У настоящего ездока поджилки должны быть стальные!

– Смотрите! он даже хвоста у кобылы не подмыл!

– Таким ездокам следует воду возить, а не за "sauts de planiglobes"[130] браться!

И я все это слышу и чувствую, как пронизывает меня взор Эммы Чинизелли, которая как будто говорит: погоди! вот уж мы покажем тебе на конюшне, как следует ездить! "На конюшню! ведите его на конюшню!" – вдруг несется откуда-то издали чей-то знакомый голос, и вслед за тем вдруг встает из могилы дедушка Матвей Иванов, во главе целой вереницы пензенских корнетов. Все они чрезвычайно взволнованы, все кричат: "На конюшню его! он осрамил нас! какой это «индеец»! какой это "матрос, утопающий в волнах океана"! пусть издыхает он под бичом!" И я мчусь, мчусь, мчусь, словно легионы злых духов преследуют меня... Обручи, бочки, ленты, гирлянды – все это смешивается и кружится в моих глазах. И вдруг – пропасть, и я лечу стремглав вниз вместе с кобылой-тигрицей. Дыхание у меня захватывает, и я начинаю кричать...

Я вскакиваю и некоторое время сижу на постели с открытыми глазами. Но это не бдение, а продолжение того же сна, в котором мгновенный перерыв произвел лишь перемену декораций.

Мне снятся годы ранней юности, тяжелые годы, проведенные под сению «заведения». То было прекраснейшее, образцовое заведение, в котором почти исключительно воспитывались генеральские, шталмейстерские и егермейстерские дети, вполне сознававшие высокое положение, которое занимают в обществе их отцы. Все они, как две капли воды, были похожи на друга моего, Ваню Поцелуева. Как он, румяные и чистые лицом, как он же, с детства проникнутые страстью к телесным упражнениям и не признающие иного жизненного лозунга, кроме: "разорви!" Как ловко сидели на них «собственные» мундиры и курточки! как полны были их несессеры всякого рода туалетными принадлежностями! Как щедро платили они дядькам! с какой непринужденностью бросали деньги на пирожки и другие сласти! с какой грацией шаркали ножкой перед воспитателями и учителями!

Среди этой блестящей плеяды молодых ташкентцев я представлял собой какое-то прискорбное темное пятно. Мой отец не был даже камер-юнкером и в незавидном звании отставного корнета прозябал в каком-то медвежьем углу Вышневолоцкого уезда, сея хлеб на камени и скудно прокармливаясь насчет скудных лепт, вытягиваемых из сотни-другой крепостных крестьян. У меня не было ни собственного

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru мундира, ни собственной шинели с бобровым воротником. В казенной куртке, в холодной казенной шинельке, влачил я жалкое существование, умываясь казенным мылом и причисываясь казенною гребенкою. Вид у меня был унылый, тусклый, не выражавший беспечно доверия к начальству, не обещавший в будущем ничего рыцарского. Я не умел ни шаркнуть ножкой, как юноша, в котором сидит уже в зародыше камер-юнкер, ни перелететь через зал, по вызову начальства, в той устремленной позе, которая служит первым признаком детской благовоспитанности и готовности. Я не давал дядькам на водку и не накупал пирожков. Я ел казенную говядину под красным соусом и казенные «суконные» пироги с черникой, от которых товарищи мои брезгливо отворачивались, оставляя их на съедение дядькам и сторожам. Первое время я даже оставался по праздникам в «заведении», тоскливо слоняясь по залам его и предаваясь загадочным думам о товарищах, которые в это время мчались на лихачах по Невскому и приучались в кофейнях пить коньяк.

Повторяю: я был пятном на светлом фоне общей воспитательной картины, и не только я сам, но, по-видимому, и начальство «заведения» сознавало это. Меня наказывали охотнее, нежели других; меня оставляли без обеда с полным сознанием достигнуть не мнимого, а действительного лишения. Даже при разборе так называемых «историй», случавшихся в «заведении», меня ставили как-то особняком. "Сознайтесь, благородные молодые люди!" – говорил директор товариществу; и затем, когда "благородные молодые люди" не признавались, то, обращаясь ко мне, присовокуплял: "Ну, а тебя нечего и спрашивать!" Если же, по временам, воспитатели и относились с сожалением к моей заброшенности, то я совершенно ясно читал в этих жалеющих глазах: жаль его, а все-таки было бы лучше, если б в нашем прекрасном «заведении» не было этого "пятна"!

Товарищи не чуждались меня, но выказывали полное ко мне равнодушие. Я не имел повода видеть в этом факте ни тени преднамеренности, но для щекотливого детского чувства это отсутствие преднамеренности даже еще более усугубляло обиду. Никто не имел во мне нужды, и потому никому не приходило в голову, чтобы и я мог в ком-нибудь иметь нужду. Как-то само собой так случилось, что я всегда видел себя вне интересов моих однокашников. У них были общие воспоминания, общая почва для разговоров, не касавшаяся казенной сферы заведения; у меня ничего подобного не было, так как подробности, относящиеся до житья в Вышневолоцком уезде, решительно никого не могли интересовать. Обнявшись, разгуливали воспитанники попарно по аллеям, ведя между собой интересную беседу, и когда я пробовал вмешиваться в эту беседу, предлагая вопрос о том, будет или не будет такой-то учитель, или о том, правда ли, что эконому велено подать в отставку, – мне хотя и отвечали, но до такой степени безучастно, как будто отгоняли рукой надоедливую муху. Видя это, я и сам невольно сторонился, вырабатывая в себе чувство злобы к замкнутому миру, который так бесцеремонно смотрел на меня, как на прокаженного. Я уединялся где-нибудь в углу, с книжкой в руках, и втихомолку от воспитателей питал свое воображение нездоровою пищею романов февалевской школы.

Увы! – сказать ли правду? – в те годы детской незрелости, когда я должен был преимущественно думать об укреплении слабого организма... я уже писал стихи! Я безразлично пародировал и Лермонтова и Бенедиктова; на манер первого, скорбел о будущности, ожидавшей наше "пустое и жалкое поколение"; на манер второго – писал послания "К Даме, очаровавшей Меня Своими Глазами". Смерть Пушкина была еще у всех в свежей памяти, и поэты того времени никак не могли поделить между собою наследства его. Во мне родилась самонадеянная мысль, вместе с Тимофеевым и Бернетом, завладеть хоть одним клочком этого наследства. Чтоб достигнуть этого, я писал стихи, так сказать, запоем, каждый день задавая себе новую тему и, во что бы то ни стало, выполняя ее. Воспитатели ловили меня в этих занятиях и безжалостно предавали поруганию, прочитывая во всеулышание произведения моей музыки. Товарищи, в свою очередь, загадочно переглядывались между собой и сначала шепотом, а потом громче и громче стали называть меня "умником".

Название «умник» далеко не пользовалось почетом в «заведении», отражавшем в себе, "как в малой капле вод", настроение тогдашнего, не любившего умников, общества. Начальство преследовало умников, воспитанники смотрели на них как на людей, занимавшихся несвойственными дворянскому званию занятиями. Именно так взглянули мои товарищи и на меня. Это были простодушные и совершенно неразвитые юноши, которым едва ли даже приходило когда-нибудь на мысль спросить себя: что такое ум и годен ли он на какое-нибудь употребление? "Мы не умники! – говорили они, – мы стихов не пишем! мы умных книг не читаем!" – и не только не скорбели, но даже как бы гордились таким упрощенным взглядом на деятельность человеческого ума. Для них гораздо интереснее было знать, кто лучше шьет штаны, Маркевич или

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru Брунст (знаменитые в то время военные портные), нежели спорить о том, кто лучше пишет стихи, Подолинский или Бериев. Поэтому известие о том, что в их среду затесался умник, произвело на них совершенно то же впечатление, как если бы в «заведении», среди воспитанников, вдруг оказался сын вольного художника или арфиста. Это было впечатление изумления.

К сожалению, все это бесило меня и вызывало с моей стороны бессильный протест. Я совершенно серьезно принял кличку «умника» и, полный сознанием своего умственного превосходства, перестал вытверживать заданные уроки, сделался неряшливым, презирал выправку и грубил воспитателям. На холодность товарищей я ответил пренебрежением, которое, однако ж, далеко не было так искренне, как я хотел это показать. Чтоб уязвить их, я написал басню под названием: "Философ и стадо ослов", в которой выставил себя в выгодном свете «философа», а товарищам предоставил играть роль «ослов». Но даже и это не тронуло их, а только вызвало с их стороны довольно безвредные шуточки, в которых напоминалось мне, что Тредьяковский был избит Волынским и что он же получил от императрицы Анны Ивановны всемилостивейшую оплеухину (это были единственные сведения о русской литературе, которые были в ходу в нашем "заведении"). Тогда я обиделся не на шуточку и, оставив всякую сдержанность, обратился к ним в упор.

– Я умник, – сказал я, – а вы глупые. Да, глупые! глупые! глупые! Но вас, глупых, ласкают и балуют, а меня, умного, преследуют и наказывают! И, когда вы, глупые, выйдете из «заведения», то вас сделают камер-юнкерами, а может быть, и помпадурями, а я, умный, буду изнывать в это время в регистратуре и облизываться при виде ваших расшитых золотом фалд! Скажите, справедливо ли это?

Это было с моей стороны и назойливо и непоследовательно. Назойливо – потому что хотя мои товарищи и не видели ничего дурного в глупости, но все-таки не желали, чтоб им слишком явно напоминали об ней. Непоследовательно – потому, что в упреке моем сказывалась зависть и тайное вожделение вышитых золотом фалд, которые я, в качестве «философа», должен был презирать. Поэтому меня сразу осадили, сказав:

– Вместо того чтоб завидовать и считаться, лучше бы ты на свои руки посмотрел! Ведь это срам – всегда все в чернилах! Ты не забудь, что ты воспитываешься в одном с нами «заведении» и что твой срам падает на всех нас! А сапоги-то! Messieurs! посмотрите, какие у него сапоги! Sapristi! Ça devient intolérable![131]

Выслушивая эти отповеди, я бледнел и дрожал! Увы! как ни храбрился я, как ни хвастался своею изолированностью среди "глупеньких мальчиков", дух корпорации действовал и на меня. Незаметно въедался он в мою жизнь и подрывал мой напускной стоицизм. Я видел сны, в которых представлял себя прекрасным молодым человеком, разъезжающим на лихачах, ликующим с юнкерами в кофейных и расшаркивающимся с ловкостью опытного камер-юнкера. Я прислушивался к рассказам о воскресных подвигах товарищей, и, к удивлению, они уже не казались мне глупыми, как прежде. В довершение метаморфозы, казенная куртка, казенная шинель, казенное мыло сделались мне положительно нестерпимыми и ненавистными.

В то время я уже ходил по праздникам к вдовствующей тетеньке Клеопатре Аггеевне, которая нанимала квартиру где-то на дворе в Канонерском переулке и на тысячу рублей в год содержала многочисленное семейство. Я скучал у нее и голодал, но, возвращаясь в «заведение», представлялся совершенно удовлетворенным и беспечно ковырял в зубах. При посредничестве тетеньки, всякими правдами и неправдами, я вытянул из Вышневолоцкого уезда небольшое число денег и справил себе на них «собственный» мундир и «собственную» шинель. Это была уж почти победа. Никогда не вздыхал я так сладко, как в ту минуту, когда увидел себя в новой одежде!

Однако ж это «переодевание» привело меня совсем не к тем результатам, каких я ожидал. Прежде, в казенной, подбитой ветром шинели, с испачканными в чернилах руками, с взъерошенными волосами, я хотя и не представлял образца изящного молодого кавалера, но был, как говорится, самим собой. Теперь, в «собственной» шинели, с вымытыми дочиста руками, с головой, обремененной помадой, я был похож на мещанина, собравшегося в праздник к обедне. Ничто не укрылось от пронизательности знатоков-товарищей: ни то, что на мундире у меня было не семи-, а четырехрублевое сукно, ни то, что на воротник шинели был поставлен не настоящий, а польский бобер, ни то, наконец, что все это было шито не Маркевичем и даже не Брунстом, а каким-то маленьким портным с Офицерской улицы...

Но что всего важнее: вступление на путь франтовства было замечено и сделалось предметом самых язвительных комментариев. Стало быть, я совсем не «философ», если на скудные, вымученные из вышневолоцких мужиков деньги поспешил приобрести не хрестоматию Галахова, но шинель с польскими бобрами! стало быть, я только прикидывался умником, а в сущности был дрянной и завистливый мальчишка, втайне сгоравший теми же самыми вожделениями, которыми горели и прочие егермейстерские и шталмейстерские дети! Подметив во мне эту черту, товарищи решились эксплуатировать ее и сделать из меня шута. И я должен сознаться, что эти невежественные дурачки, не знавшие хорошенько, кто разрубил гордиев, узел, Александр Македонский или князь Александр Иванович Чернышев, принялись за дело моего вышучивания с тактом и талантливостью, которых я даже не подозревал в них.

Сдержанный смех встретил меня в моем новом наряде. Но я уже опьянел и не понял смысла этого смеха. Я серьезно вообразил себя франтом и охотно дозволил сделать из себя героя дня. Мой мундир рассматривали и хвалили доброту и атласистость сукна; мой воротник шупали и уверяли, что его никак нельзя отличить от настоящего бобрового; показывали друг другу мое мыло и, в порыве энтузиазма, зараз измылили весь кусок. Товарищи, наперерыв друг перед другом, приглашали меня по воскресеньям к себе, называли «поэтом», удивлялись, как до сих пор они не заметили, что я лихой малый, заставили меня вместе с ними курить в печку и очень мило смеялись, когда я, выкурив сряду две папиросы, почувствовал, с непривычки, тошноту.

В самое короткое время я совершенно очутился в их власти. Я катался на чужой счет на лихачах, кутил на чужой счет в кофейных, курил, как капрал, пил ром, коньяк и играл в карты, без надежды заплатить свой проигрыш. Я с самым дурацким видом рассуждал о рысаках и о сравнительных достоинствах той или другой камелии и при этом лгал и хвастал немилосердно. Я уверял, что по воскресеньям выпивал за обедом целую бутылку шампанского; что у тетеньки Клеопатры Аггеевны платье шелковое, а шлейф бархатный; что она фрейлина, занимает целый дом и платит сто рублей в месяц французскому-повару. Не помню наверно, но, кажется, я прибавлял, что у ней на содержании два куафера. Не сознавая ни слов, ни поступков своих, я приглашал всех к себе, то есть к тетеньке, и совершенно бессовестно присовокуплял: *si vous venez, messieurs, je vous ferai manger d'un certain gigot, dont vous me direz des nouvelles!*[132] Словом сказать, не будучи рожден шалопаем и не имея никакого права быть таковым, я лез из кожи, чтоб сравняться в этом отношении с моими товарищами. Это была уже столь явная дерзость с моей стороны, которая, конечно, не могла не возмущать их.

Дети жестоки, в особенности же те, которые начинают выходить из детского возраста и которым, быть может, никогда не суждено вырасти в меру человека. Вводя меня в свой круг и делая участником своих праздничных кутежей, товарищи ни на минуту не забывали, что я умник и что поэтому меня следует проучить. В сущности, впрочем, все мое тогдашнее существование было непрерывною цепью проучиваний, и только громадное самомнение не позволяло мне замечать те беспрерывные уколы и поддразнивания, которые преследовали меня на каждом шагу. Увы! я так искренно желал пленить моих мучителей, что сам первый поверил успеху моих усилий.

Чтоб отрезвить меня, мало было простых уколов: требовались удары более сильные, такие, после которых для меня не оставалось бы ни малейшей лазейки, чтоб обмануть самого себя. И эти удары не заставили ждать себя.

В одно из воскресений я был у тетеньки Клеопатры Аггеевны и обедал. Как сейчас помню: вслед за гороховым супом подали жареного гуся. Тетенька, по обыкновению, роптала на дороговизну провизии (причем искоса взглядывала на мою тарелку) и жаловалась на папеньку, что он обещал ей и индеек и уток и, вместо того, прислал одних гусей, да и то откормленных дурандой. Я, с своей стороны, тоже роптал, потому что, после тонких обедов у товарищей, гусь, отзывающийся льняной избоиной, казался мне кушаньем, могушим играть роль где-нибудь на постоялом дворе, а никак не в столовой благовоспитанных людей. И вдруг, среди этих ропотов, в передней раздается гвалт, звяканье шпаг, споры с кухаркой, и через минуту в нашу скромную столовую врывается целая гурьба веселых молодых людей.

Мгновенно перед моим умственным взором пронеслись все мои недавние хвастовства. И тетенькино фрейлинство, и куаферы, и француз-повар, и знаменитое "*gigot, dont vous me direz des nouvelles*".[133] Тетенька испуганно вращала зрачками, дети

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru ревели, не позволяя обтереть замазанные соусом личики. Я страдал невыносимо, но и среди страданий меня не оставляла мысль, что на лестнице у нас воняет, что в передней темно и что, наконец, на столе стоит... гусь!

– Тетенька! ради Христа... одну бутылку шампанского... одну! – сказал я, не помня сам, что говорю.

Громовый хохот веселой толпы был ответом на мою мольбу.

– Madame! ne vous derangez pas![134] – выступил вперед Simon Накатников, самый глупейший и в то же время самый злейший из моих преследователей, – mais... Dieu me pardonne![135]

– она, кажется, даже не понимает по-французски! Как же ты уверял, душа моя, что она фрейлина? Messieurs! regardez-moi cette demoiselle d'honneur, qui a tout l'air d'une maquerelle![136] А! умник (сказав это, он потрепал меня по носу пальцем) так вот как! так у твоей тетеньки бархатный шлейф! так она платит повару сто рублей в месяц! Madame! Je vous demande pardon, mais vous comprenez bien, que ce n'est pas pour vos beaux yeux que nous nous trouvons dans ce taudis:[137] он сам звал нас; он сказал, что накормит нас d'un certain gigot... ce'tte blague![138] А затем, госпожа фрейлина, наше вам-с! С пальцем девять, с огурцом пятнадцать! – закончил он, пародируя известную гостинодворскую поговорку автора Григорьева и уводя за собой веселую толпу.

Вечер этого дня я провел как в тумане. Я сидел за своей конторкой, уткнув глаза в книгу и ничего не понимая. Кругом меня шел шепот и сдержанный, наполнявший мое сердце болезненными предчувствиями, смех. На этот раз, однако ж, сверх моего ожидания, дело обошлось благополучно. На другой день Simon Накатников первый подошел ко мне и подал руку.

– Мир! – сказал он, – все это немножко глупо вышло, и я первый сознаюсь в этом. Но согласись, что и ты отчасти виноват. Tu as ete presomptueux et blagueur, mon ange![139] Блягировать можно, но в известных границах, а ты третировал нас, как глупцов! Ты уверял, что твоя тетенька, cette venerable vieille, qui a l'air d'une maquerelle,[140] – шутка сказать, фрейлина! Sais-tu, que c'est presque un crime, ca?[141] Потому что ведь фрейлина – это такой пост (c'est une charge d'etat, mon cher, souvenez-vous en![142]), о котором нам с тобой все разговаривать не приходится... N'est-ce pas, cher?[143] Ну, а затем, всетаки мир! Не так ли?

Увы! я не только подал руку, но даже проникся благоговением к великодушью прекрасных молодых людей, которые прощали моему недостойнству. Я и не подозревал, что у них уже созрел план более обширный: план окончательно выжить меня из "заведения".

В следующее же воскресенье план этот был выполнен. Я не знаю, как это случилось; помню только, что мы кутили где-то в задней комнате какой-то фруктовой лавки и что я, чтобы загладить мое недавнее недостойное поведение, пил вдвое больше против обыкновенного. Со мной шутили, меня поощряли и затем, напоивши допьяна, предательски оставили одного. Вечером я был привезен в «заведение» в сопровождении квартального надзирателя в бесчувственном положении.

Через неделю я был в Вышневолоцком уезде, в деревне Проплеванной, и выслушивал выговоры раздраженного отца...

–

Новые декорации и новый сон. Происшествия едва прожитого дня вновь вытесняют отголоски детства и выступают на первый план. Я вижу давешний суд,

– и подсудимым оказываюсь на этот раз я сам.

Долгое время сдерживали Ваню узы живых воспоминаний об общих предках-корнетах, но я, так сказать, воочию уже видел, как он постепенно эмансипируется от связей родства, как накапливается и зреет в нем идея о каком-то «долге», как идея эта мало-помалу выясняется и втягивает в себя все его существо и как, наконец, он вступает в тот жизненный фазис, когда человеку постылеет свет и ничего другого не остается, как разом разрубить гордиев узел и освободить душу от массы

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru всяческих стеснений, накопившихся вследствие вторжения в жизнь совершенно новых элементов.

И он сделал это.

Процесс моего порабощения представляет одну из тех страдальческих историй, рассказ о которых надрывает сердце человека. В древности не знали усовершенствованных способов вымучивания – это плод современной цивилизации. В старину самые пронизательные люди не шли дальше физических страданий, то есть рубили, жгли, топили, и лишь тогда, когда нужно было что-нибудь доподлинно вызнать или добиться раскаяния, прибегали к некоторым утонченностям, то есть: вытягивали жилы, мешали спать, заставляли ходить по спицам и т. п. Нынче даже самый глупый человек знает, что вымучивание физическое – не больше как шалость в сравнении с вымучиванием нравственным. Нынче даже самый сущий осел – и тот норовит забраться в сокровеннейшие тайники человеческого существования и там порыться своими копытами.

Утонченность нравов породила наслаждение вымучиванием, наслаждение чрезвычайно сложное и прихотливое и в то же время, по свойствам своим, доступное даже людям наименее развитым. Современный мучитель требует, во-первых, чтобы вымучиваемый субъект предъявлял известную гарантию чувствительности и, во-вторых, чтобы самый процесс вымучивания был не моментален, а занимал более или менее обширный период времени. Древние ослы нападали большею частью друг на друга и друг друга залягивали всмерть, но перед высшими организмами они ощущали страх. Современный осел не только не бросается на своего собрата, но приветствует его веселым мычанием и вступает с ним в союз именно в виду того сравнительно высшего организма, перед которым трепетал его пращур. Этот высший организм самым существованием своим напоминает ослу об его ушах и, следовательно, оскорбляет его. Отмстить за оскорбление, которого нет ни в намерениях, ни в поступках мнимого оскорбителя, вот цель всех усилий осли. Чтоб достичь этой цели, он действует и в одиночку, и в союзе с себе подобными, и так как во всех этих действиях нет ни малейшего смысла, то нападение всегда застаёт свою жертву врасплох и, следовательно, всегда увенчивается успехом. Процесс порабощения совершается с помощью таких нехитрых средств, которые могут вызвать только изумление или улыбку сожаления. Но эти нехитрые средства обманчивы и напоминают собой басню о комаре, залезшем в нос к льву. Вот и силен лев, а дрянной комаришко победил его. Он забрался в укромное место и вызудил-таки из него жизнь...

В отношении ко мне случилось все точно так, как я угадывал в те минуты скорбного бодрствования, которые предшествовали моим снам (зри выше). Я предчувствовал, что Ваня поработит меня, – и он действительно поработил в самом реальном значении этого слова. Едва я пришел с ним в соприкосновение, как уже почувствовал себя на самом дне того особенного, овошенно-циркистского мира, в котором он процветал. Я сопротивлялся, сколько мог, но самое сопротивление только глубже и глубже увлекало меня вниз. Если б я не сопротивлялся, я прямо попал бы куда надлежит и наравне с другими чувствовал бы себя гражданином преисподней. Это, во всяком случае, избавило бы меня от излишних унижений. Но сопротивление сделало из меня парию. Меня стащили в преисподнюю с некоторыми усилиями, и когда наконец крышка надо мной хлопнула, то посадили меня на цепь и стали дразнить.

Ах! это был ужаснейший сон, который вдобавок до того походил на действительность, что весь мой организм болезненно трепетал под гнетом его!

Встретившись с Ваней, я добровольно пошел за ним в «закусочную», в которой он состоял в качестве *habitué*. [144] Там он лег с ногами на дырявый диван, а я сел напротив него, через стол, на стуле. Я потому так живо помню эти подробности, что именно с этого момента и началось мое порабощение. Устроившись сам, он начал убеждать меня, что гораздо будет лучше, если и я, оставив стул, лягу с ногами на диване.

– *Mais regardez donc, mon oncle, comme je suis bien comme cela!* [145] – говорил он мне, принимая всевозможные позы, то есть держась на локте, перевертываясь на другой бок и ложась на спину, – советую и вам, право, советую последовать моему примеру. Таким образом, мы оба устроимся очень комфортабельно, не будем женировать друг друга и поведем разговор по душе. *Mais permettez! je vais vous arranger cela moi-même!* [146]

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

С этими словами он подошел к дивану, стоявшему у противоположной стены, отодвинул стол и собственноручно меня уложил.

Я помню, как мне противно было лечь на эту мебель, в которой, казалось, не было ни одного непропленного места; но, за всем тем, я лег. Мгновенно родившееся чувство гадливости мгновенно же и прошло, уступив место какому-то нелепому желанию во что бы то ни стало показать себя добрым малым, даже в ущерб бокам и чистоплотности.

Затем мало-помалу «закусочная» начала наполняться другими Ванями, точь-в-точь такими же, как и мой друг. На всех диванах лежали расprostертые люди; те же, которым недоставало диванов, составляли кресла и тоже укладывались с ногами. Задымились папиросы, началось закусывание, глотанье устриц, откупоривание бутылок. Через полчаса в комнате стоял густой дым, в облаках которого едва мерцали газовые рожки и виднелись дебелие тела Ваней, снявших с себя сюртуки. А между тем обмен мыслей шел своим чередом.

– Il n'y a rien d'aussi efficace pour restaurer les forces, comme un bon petit verre de cognac pris a jeun! Apres une nuit de bamboche – c'est presque miraculeux![147] – ораторствовал один из Ваней в одном углу комнаты.

– А я так, признаюсь, всему на свете предпочитаю рюмку доброго, забористого абсента! – возражал тут же другой Ваня.

– Что абсент имеет свои достоинства, и притом очень фундаментальные, – этого я никогда не отрицал и не буду отрицать. Но для того, чтобы реставрировать силы, и притом натошак, – je vous demande pardon, mon cher, mais il n'y a que le cognac pour operer ce miracle.[148] Поэтому у меня так заведено: как только я просыпаюсь – чтобы коньяк был уж на столе! И при этом маленький кусочек сахару – непременно!

– Да, уж если коньяк, то маленький кусочек сахару – это *conditio sine qua non*![149] и при этом немножко цедры... un sourçon![150] Но я все-таки утверждаю, что натошак и абсент... parlez-moi de ca![151]

В другом углу шел спор о кобыле «Джальма», недавно выведенной в цирке.

– Нет, ты меня извини, это не лошадь! Да ты взгляни на нее! всмотрись, ведь у нее зад шилом!

– Ну, нет! «Шилом» – c'est trop dire![152] что у нее зад не образцовый – это так; но зато ноги! c'est une divinite![153] Ведь это сталь, mon cher! ведь тут каждая жилка говорит! Это копыто! эта щетка!

– Не спорю, копыто настоящее... ну, и нога... Есть огонек, есть игра... il n'y a rien a dire![154] Но зад! этот зад! и притом... у кобылы? Mais je vous demande un peu si c'est permis![155]

В третьем углу:

– Ну, хочешь пари – сто рублей! Хочешь пари, что я сейчас же туда еду – и за пятьдесят рублей получу!

– Меньше полутора – ни-ни!

– Послушай! кому же ты, наконец, это говоришь! А я тебе повторяю: хочешь на пари сто рублей! Из них я пятьдесят отдаю по принадлежности и представляю ясные доказательства выигрыша, на остальные пятьдесят – дюжину! Подснежников! да уверь же хоть ты наконец этого наивного человека!

В четвертом углу:

– Покуда не будет ангажирована Эмма – я в цирк ни ногой! En voila une femme – quelle groupe![156] А то, помилуй, двухголового соловья выписывают! Ну, черта ли мне в нем, спрашиваю я вас!

– А я так, право, не знаю: как будто только и света в окне, что Эмма! По-моему,

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Пальмира была лучше... au moins, elle avait des cuisses, celle-là![157] А то что ж! круп да круп – и ничего больше!

– Ты потому так говоришь, что ты только любитель, а не знаток, mon cher! Настоящий знаток что ценит в женщине? – он ценит посадку и устой! Главное, чтоб устой был хорош: широкий, крепкий, как вылитый! А то нашел: "les cuisses"! Ну что такое твоя Пальмира? Разве это наездница! разве это настоящая наездница?

– Однако ж и в то время бывали знатоки, которые...

– Какие тогда были знатоки? Настоящий, заправский знаток народился только теперь, а тогда были amateurs de cuisses[158] – и больше ничего. Laissez-moi en paix avec vos «cuisses», mon cher! C'est pitoyable![159]

По временам Вани обращались ко мне, называя меня "cher intrus" или "aimable provincial", [160] я отшучивался, как мог, лежа в дыму, чувствуя, как немеют мои бока, но совершенно гордый сознанием, что столько добрых малых так добры, что и меня включают в число добрых малых...

Пролежав таким образом до семи часов, я выпил множество рюмок, наглотался всякого сырья и съел из настоящей пищи только отбивную котлетку, принесенную от кухмистра Саламатова, тут же, через двор. Котлетка лежала на захватанной пальцами, отпотевшей от холоду тарелке и плавала в бульоне, покрытом кружками застывшего жира. При этом я вытирал себе губы салфеткой, которою, наверно, вытиралось не меньше трех-четырёх поколений корнетов.

В семь часов – в цирк.

Что было в цирке и после цирка – я не помню. Помню только, что я снимал шубу и опять надевал, потом вновь снимал и вновь надевал...

На другой день, едва успел я ощутить страстную потребность хватить рюмку коньяку, как уже в двери моего номера стучался «молодец» из лавки и от имени Вани извещал, что «господа» собрались.

На третий и на четвертый день то же. На пятый я спохватился и велел сказать, что не приду. На столе у меня лежали газеты за четыре дня и письмо от Менандра. "Амедей отказался! Я еду в Испанию узнать, что и как. Мартос, Фигверас, – Каstellяяр – какое сцепление! Вопрос: что скажет Олоцага? Надеюсь, что в мое отсутствие ты твердо выскажешься за едиую и нераздельную республику, если, впрочем, не предпочитаешь ей республику федеральную. Прощай; спешу в Мадрид!

Амедей отказался! О, превратность судеб! О, тщета величия! И все это случилось в те четыре дня, которые я провел в закуской!

Но всякое явление имеет и худую и хорошую сторону. Жаль Амедея – слова нет, но сколько передовых статей можно нашгать по его поводу – этого ни в сказках сказать, ни пером описать! Таков закон судеб: валится сильный мира – а бедному человеку, смотришь, что-нибудь да и выпало! Сейчас же бегу к Мелье, и завтра же, с божьего помощью, настрою статью. В этой статье будет огненными чертами изображено: "с одной стороны, должно сознаться, что отказ Амедея был новою неожиданностью в ряду бесчисленных неожиданностей, которыми изобилует современная история; но с другой стороны, нельзя не признаться, что ежели взглянуть на дело пристальнее, то окажется, что отказ этот подготовлялся издавна и мог казаться неожиданностью лишь для тех, которые слишком поверхностно смотрят на неизбежный ход исторических событий. Все связано в этом мире"...

Но в ту минуту, как я, надевая калоши, распланировывал мою будущую статью, вошел Ваня. Он был видимо взволнован и даже слегка рассержен.

– Вы, дядя, может быть, пренебрегаете нашим обществом? – сухо спросил он, глядя на меня в упор. – У вас, может быть, есть более умные занятия?.. ведь вы, кажется, ученый, mon oncle... n'est-ce pas?[161]

– Нисколько, мой друг! Я сейчас... я только вот хотел... можно ли так истолковывать мои действия! Кстати: ты знаешь, конечно, что Амедей отказался!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
– Какой еще Амедей! Que me dites-vous là![162]

– Амедей, испанский король, мой друг. Он отказался, и я хочу...

– То есть, вы хотите сказать, что теперь вас занимает Амедей... Согласитесь, однако ж, что это только отговорка, дядя! И притом, отговорка совсем неловкая, потому что кому же, наконец, не известно, что в Испании Isabeau, а совсем не Амедей!

– Христос с тобой, душа моя! Isabeau давным-давно...

– Treve de mistifications, mon oncle![163] Вы не с ребенком говорите. Я спрашиваю вас совершенно серьезно хотите ли вы провести день с нами, как вчера, и третьего дня? Ежели хотите, то надевайте шубу, и идем; ежели же не хотите, то я жду объяснения, что именно заставляет вас выказывать такое пренебрежение к нам?

– Но клянусь же, друг мой... право, я с удовольствием. Я хотел только узнать, как это Амедей... после двухлетнего, почти блестящего...

– En bien, vous nous raconterez tout cela chez nous,[164] в нашей закускойной. Я знаю, что вы «ученый», mon oncle, и уже рассказал это всем. Послушайте! ведь если Амедей уж отказался – j'espere que c'est une raison de plus pour ne pas s'en inquieter![165]

Затем он пошел вперед, а я последовал за ним.

В этот день я рассказывал ваям об Амедее. Что он был добрый, что он полюбил новое отечество совершенно так, как будто оно было старое, и что теперь ему предстоит полюбить старое отечество совершенно так, как будто оно новое. Потом, я в кратких словах упомянул о Дон-Карлосе, об Изабелле и матери ее Христине, о непреодолимо преданном Марфори, о герцоге Монпансьерском и в заключение выразил надежду, что гидра будет подавлена и Марфори восторжествует.

– Ну-с, а теперь ложитесь, mon oncle! Подснежников уступает вам свой диван! Vous serez notre president![166]

Недоразумение на этот раз улеглось, но черная кошка уже пробежала между нами. Я сделал очень важную ошибку, высказав разом столько познаний по части испанской истории, потому что с тех пор меня уже не называли иначе как «профессором» и «ученым». И как мне показалось, названия эти были употребляемы не в прямом смысле, а в ироническом.

Дни проходили за днями, требуя новых и новых компромиссов. Я все посещал закускую и с невероятной быстротой устремлялся в бездну. Я давно забыл об Амедее и помнил только одно: что мне предстоит выпить в день от двадцати до тридцати рюмок коньяку и заесть их котлеткой от Саламатова.

Наконец, в одно прекрасное утро, я имел удовольствие услышать, как меня в глаза называли нигилистом.

– Любезнейший нигилист! Правда ли, что вы статеечки пописываете? – бесцеремонно обратился ко мне Ваня Поскребышев.

Это было тем более обидно, что Поскребышев был простой феидрих, который просто-напросто думал, что «нигилист» значит «мормон» или что-нибудь в этом роде. На этот раз я счел долгом даже протестовать, но-о, ужас! – по мере того как я приводил это намерение в исполнение, мой протест, незаметно для меня самого, постепенно превращался в самое заискивающее ласкательство! Это до того поощрило моих новых друзей, что один из них тут же потихоньку насыпал мне в рюмку пеплу от сигары.

Так длился целый месяц. Я не раз порывался бежать, но с меня уже не спускали глаз, так что я, совершенно незаметно, очутился в положении арестанта. У меня отняли даже возможность протестовать, потому что эти люди обладали каким-то дьявольским тактом в деле пакостей. Они устраивали пакость таким образом, что она, будучи пакостью в самом обширном значении этого слова, не переставала в то же время иметь вид шутки в несколько размашистом русском тоне. Они выдергивали

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru из-под меня стул и тут же обнимали меня; они щипали меня за обе щеки – и тут же целовали.

– Обиделся! – говорил Ваня Подснежников, – ну, помиримся! Согласись сам, чем же я виноват, что у тебя такие пухлые щеки! Нигилист! душка! ну, позволь же! позволь еще раз ущипнуть! Не хочет! жестокий! Господа! нигилист обиделся! надо утешить его! возьмем его на руки и станем качать!

И меня брали на руки и высоко взбрасывали, рискуя разбить о потолок мою голову. Мне кажется, что, ежели бы они сразу меня искалечили, я был бы счастлив, потому что это избавило бы меня от них...

Наконец меня объял ужас. Но вместо того чтоб бежать от моих друзей на край света, я, как и все слабохарактерные, только усложнил свое положение. Я скрылся не на край света, а в безвестный ресторанчик на Вознесенской, куда по моим расчетам ни один из Ваней не имел основания заглянуть.

Я забирался туда с раннего утра, когда заспанные гарсоны еще не начинали уборки комнат, пропитанных промозглым табачным дымом, когда заплеванные и заслякощенные полы были буквально покрыты окурками папирос и сигар, когда в двери ресторана робко выглядывали нищие и выпрашивали вчерашних черствых пирогов. Я уходил в дальнюю комнату, пил кофе и читал газеты. Затем ресторан наполнялся завсегдатаями, я завтракал, смотрел, как играют в бильярд, обедал и оставался до той минуты, когда ресторан запирается окончательно. Через неделю я сделался тут «своим»; игроки в бильярд спрашивали у меня советов, гарсоны – слегка заигрывали.

В одно прекрасное утро я углубился в созерцание бильярдных шаров и ничего не ждал. И вдруг чувствую, что кто-то тронул меня по плечу. Обертываюсь: передо мной Ваня, который, возвращаясь с ученья, заехал в ресторанчик выпить рюмку коньяку...

Он ничего не сказал мне, а только поманил пальцем... –

Это было до того странно, что многие тут же выразили уверенность, что я «скрывался», что меня «накрыли» и повели теперь к судебному следователю.

Мы ехали молча; наконец сани остановились у знакомого подъезда «закусочной». Мы прошли мимо бочек с миндалем и орехами, сопровождаемые приветливыми улыбками «молодцов», и вступили в преисподнюю. Все Вани были в сборе.

– *Decidement, mon oncle, vous nous meprisez?![167]* – не то вопросительно, не то утвердительно обратился ко мне Ваня.

– Какой вздор! можно ли предполагать...

– *Treuve de subterfuges, mon oncle! Je vous demande, si vous nous meprisez, oui ou non?[168]*

. . . . .

И он взял с первого попавшегося под руку блюда за хвост селедку и слегка потрепал ее по моему носу.

– *Vous etes un coeur d'or, Jean![169]* – раздалось где-то, но так как-то смутно, что я не мог даже разобрать, один ли голос выразил эту похвалу или много.

В глазах у меня завертелись зеленые круги, во рту вдруг высохло. Я не знал, на что мне решиться: броситься ли на моего обидчика или самому себе разбить голову. Но, должно быть, я бросился вперед, потому что в эту минуту раздался неистовый взрыв хохота.

– *Le nihiliste! je crois, Dieu me pardonne, qu'il veut faire des facons![170]* – воскликнул Ваня Подснежников, – малейший! позвольте заметить вам, что вы совсем не так смотрите на это дело! Не мы, а вы оскорбили нас, и селедка есть только то должное, чего заслуживал ваш поступок. И вместо того чтоб смириться, вы лезете... Это уже новое оскорбление, и, конечно, мы не оставим его без возмездия. *Treuve de condescendances! En place, messieurs![171]* Не угодно ли вам будет судить новый поступок господина нигилиста!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

Через пять минут я был осужден. Я видел, как принесли громадную банку килек и как вся эта ватага, внезапно одичав и утратив человеческий образ, бросилась на меня...

Когда я проснулся, было уж позднее утро. Я стоял среди моего номера в одном нижнем белье и кричал во всю мочь. Меня окружали больничные сторожа; из дверей выглядывали испуганные лица помешанных. Тут же стоял главный доктор, одного мания которого было бы достаточно, чтоб заключить меня в горячую рубашку.

– Весьма вероятно, – сказал он мне иронически, – что вы и теперь будете утверждать, что умственные ваши способности находятся в нормальном состоянии?!

III[172][173][174][175]

Волей-неволей я должен был покориться...

Я заговаривался, я видел сны, которые, несмотря на свою нелепость, до такой степени тяготели надо мной, что почти сливались с моей обыденной жизнью. В глазах психиатра, требующего от человека лишь официального здравомыслия, но зато уже не допускающего ни малейших в этом смысле отступлений, этот факт представлял слишком достаточный повод, что[176] признать меня сумасшедшим.

Меня самого до крайности мучило это беспрерывно повторяющееся смешение кажущегося с действительным. В самом ли деле существует то, что я сознаю существующим, или только мне кажется, что оно существует? – вот в чем весь вопрос. Может ли, например, существовать такой суд, по решению которого я был бы присужден к обмазанию кильками с головы до ног? – На этот вопрос, с точки зрения официального здравомыслия, я, конечно, должен был ответить отрицательно, но в то же время мне совершенно отчетливо представлялось (да и теперь еще представляется), что такой суд не только может существовать, но что он даже несомненно где-то существует и что календари, лишь по упущению или страха ради иудейска, не показывают его адреса. Или: может ли существовать такое общество молодых людей, для которых безразлично быть гонведами, папскими зуавами, тюркосами, башибузуками и которые, ничего не зная об отречении короля Амедея, все свои досуги употребляют на изучение игры лядвий Эммы Чинизелли, Пальмиры Анато и других? – И на этот вопрос, как человек официально здравомыслящий, я не имею права отвечать иначе как отрицательно, но, клянусь, я не только убежден, но могу, в случае надобности, даже доказать, что таких обществ существует бесчисленное множество, что я сам видел их, этих гонведо-зуаво-башибузуков не то в театре Берга, не то в овощной лавке Одинцова, не то, в передобеденное время, на солнечной стороне Невского проспекта, и что календари не упоминают об этих обществах единственно потому, что, руководясь старой рутиной, они под рубрикой «общества» разумеют только те, которые носят официальное клеймо.

Но как бы я ни был прав с точки зрения психологических тонкостей, я все-таки вынужден был сознаться, что мое официальное, календарное здравомыслие представлялось очень сомнительным. Я захватывал несколько] больше, нежели сколько нужно для обыденной жизненной практики. Если б я разделял общества на ученые, благотворительные, промышленные и т. д. – всякий сказал бы обо мне: вот человек, который если захочет плюнуть, то, наверное, плюнет на пол, а не в тарелку! Но я до такой степени расширил пределы общественной инициативы, что даже прозрел общество для изучения лядвий девицы Чинизелли, – не ясно ли, что такого рода пронциательность мог выказать только помешанный!

Ни одно губернское правление в целом мире, конечно, не согласилось бы признать меня здравомыслящим, если б я вздумал перечислять перед ним все судебные учреждения, которые, как мне это достоверно известно, ютятся в петербургских закусовых, вполне независимо от официальных судебных учреждений, и в то же время вполне самостоятельно. Представьте себе следующего рода картину. Приводят меня в губернское правление и, по обыкновению, сначала обыскивают в сторожевской, потом в канцелярии и затем уже вводят в присутствие. В присутствии председательствует генерал, который одним своим видом устраняет всякую мысль о возможности какого-либо иного суда, кроме скорого. Пошептавшись предварительно с доктором и перелистовав наблюдательный журнал, председатель приступает к допросу.

– А нуте, не угодно ли вам перечислить судебные учреждения, находящиеся в столичном городе Санкт-Петербурге! – обращается он ко мне и в то же время

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru подмигивает прочим присутствующим, как бы говоря: – "J'espere, que nous allons rire!" [177]

– Судебных учреждений в столичном городе Санкт-Петербурге – бесчисленное множество, – отвечаю я, твердо и звонко отчеканивая каждое слово, – во-первых, суд по вопросам о замарании халата-имеет главное местопребывание в фруктовой лавке такой-то (имярек), и сверх того имеет постоянно действующие отделения и в других лавках, занимающихся продажей овощных и колониальных товаров; во-вторых, суд по вопросам, кто кого перепьет, имеющий главное местопребывание в ресторане Дюссо и отделения во всех других заведениях, производящих торговлю питьями распивочно и навынос; в-третьих, суд по вопросам о нормальных размерах женских устоев и лядвий – главное местопребывание: зимой в театре Берга, летом на Минерашках; отделения: в русском семейном саду, в Орфеуме, в Эльдorado, Шато-де-флер и других; в-четвертых...

– Очень хорошо. По сущей ли справедливости вы говорите это? – прерывает председатель поток моего красноречия.

– Не токмо по сущей справедливости, но так точно, как бы мне в том...

– Достаточно, не трудитесь продолжать. Теперь не угодно ли вам будет объяснить присутствию, какие существуют в столичном городе Санкт-Петербурге общества, обязанные своим возникновением частной инициативе!

– Таких обществ множество. Во-первых, общество карманной выгрузки, рассеянное по конторам акционерных и промышленных компаний; во-вторых, общество юных шалопаев космополитов, под фирмой "Разорву!", рассеянное во всех тех местах, где имеют местопребывание сейчас мною названные суды; в-третьих...

Но председатель уже не смеется и не подмигивает; напротив, он негодует, он весь бледен от гнева. В ответе моем он видит, не результат моей житейской прозорливости, а почти что преступление. Он даже жалеет, что тут примешалось умственное расстройство, которое волей-неволей он должен принять во внимание в качестве смягчающего обстоятельства.

Весь в поту от охватившего его волнения он быстро вскакивает с места и громовым голосом возглашает:

– Признать этого негодяя сумасшедшим навсегда! Лечить его! Посадить его на цепь! Надеть на него горячую рубашку! Лить ему на темя холодную воду! и никогда не представлять никуда для переосвидетельствования!

Вот приговор, которого я должен был ожидать за то, что не довольствовался календарным здравомыслием, но прозревал! Весьма естественно, что подобная перспектива не могла не умерить мою строптивость. Я весь был во власти главного доктора больницы. Он мог написать обо мне что хотел в наблюдательном журнале, и он же как хотел руководил допросом при свидетельстве. Поэтому всякий протест против помещения моего в больницу не только был бесполезен, но даже мог рассердить его и косвенным образом послужить к отягощению моей участи. Сообразив все это, я решил смириться.

Как только стихло впечатление, произведенное моею утреннею выходкой, [178] я подошел к доктору и, приняв на себя личину смирения, сказал ему:

– Доктор! я вижу, что упорство, с которым я отрицал свое умопомешательство, принесло вам очень много огорчений, а для меня осталось без малейшей пользы. Теперь я решил больше не огорчать вас. Я болен и сознаюсь в этом.

Сознание это приятно изумило его. На минуту, однако ж, он как бы усумнился и пылливо взглянул мне в лицо. Но на лице моем было столько искреннего раскаяния, что самый придирчивый скептицизм счел бы себя обезоруженным.

– Очень рад! – отвечал он, – рад и за себя и за вас, потому что, как я уже имел честь однажды объяснить вам, успех нашего лечения во многом зависит от того, обладает ли пациент сознанием своей болезни или не обладает им. Вы признаете себя помешанным – это уже признак! Да-с, это очень-очень хороший признак, с которым я от всей души поздравляю вас!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru – Об одном только я попросил вас, доктор... Я публицист и... пенкосниматель! Я не могу обойтись без того, чтоб не написать хотя одну передовую статью в день! Если я буду лишен этого утешения – я непременно впаду в уныние!

– Вот это-то и есть именно та вещь, которой я ни под каким видом допустить не соглашусь. Ни читать, ни писать. Да и неужели вам не надоело это пенкоснимательство! Слушайте! когда вы выздоровеете, я дам вам сочинение доктора Тиссоа по этому предмету – вы увидите, до чего может довести эта изнурительная страсть! Верьте мне, что это именно она погубила вас. На днях я прочитал в "Старейшей Всероссийской Пенкоснимательнице" вашу статью... помните, ту, которая трактует об удлинении цепей мировых судей... скажите, пожалуйста, для чего вы начали ее словами: "Постараемся представить себе, какой ход приняла бы всемирная история, если б Западная Римская империя не пала под ударами варваров"?

– Помилуйте, доктор, ведь это эрудиция?

– Извините меня, а по-моему, это просто бездельничество. Но пусть это будет эрудиция: спрашиваю вас, какая масса умственного напряжения была необходима, чтоб от Западной Римской империи перейти к значкам мировых судей?

– формально никакой. Повторяю: это эрудиция – и больше ничего.

– Гм... стало быть, у вас есть нечто вроде складочного магазина, из которого...

– Так точно, доктор. Я каждый день хожу в этот магазин, отыскиваю в нем факт или даже фразу и приурочиваю к ним современность. В тот самый день, когда я очутился здесь, у меня уже скомпоновалась в голове целая статья, которая должна была начаться так: "Постараемся представить себе, что Вашингтон действовал не в Америке, а где-нибудь у нас, например, в качестве председателя Новосильской земской управы"... И поверьте, что я свел бы концы с концами без всякого умственного напряжения!

– Гм... если это так легко... но нет! все, кроме этого! Повторяю вам: нет вещи более изнурительной, как пенкоснимательство, ^ и везшем положении...

– Но что же я буду делать, доктор? ведь я пропаду со скуки!

– Не пропадете. Здесь всякий из ваших товарищей – такая живая книга, читая которую вы, незаметно для самого себя, забудете и про Западную Римскую империю в применении к значкам: мировых судей, и про Вашингтона в применении к Новосильской земской управе. Вон видите, в углу сидит субъект в синем вицмундире, который делает, рукою движение, как будто закупоривает? Это с педагог. У него имеется целый педагогический план, ближайшая цель которого – истребление идей. Не одних только «вредных» идей, а идей вообще. Он пробовал даже применить этот план в одном из здешних воспитательных заведений, но задача оказалась до того грандиозною, что он первый пал под ее тяжестью и очутился в числе моих пациентов. Товарищи по больнице его недолюбливают и боятся: он слишком беспощаден, слишком логичен в своем помешательстве. Один только господин Поцелуев не только не боится его, но смеется над ним и называет не иначе, как старым, изъеденным молью треухом. И что всего замечательнее, педагог не только не обижается этим, но говорит, указывая на вашего племянника: вот мой идеал! вот чем, по моему плану, должно бы быть все молодое поколение!

Действительно, в углу комнаты сидел небольшой и до крайности мизерный человечек, который проворно делал руками загадочные движения, как будто закупоривал ими какой-то воображаемый сосуд. Закупорит один сосуд – и отбросит в сторону, потом примется закупоривать другой сосуд – и опять отбросит. И в то же время другою рукою шарит в воздухе около себя, как будто ищет, не спряталось ли где-нибудь еще что-нибудь, что можно было бы закупорить. По наружности этого субъекта нельзя было определить его лета. Лицо у него было старческое, дряблое, усталое, но глаза молодые, которые так и бегали по всему пространству комнаты.

– Господин Елеонский! потрудитесь пожаловать к нам! – обратился к нему доктор.

Человечек встал как встрепанный и, повиная спиною, мелкими шажками подбежал к нам.

– Ну-с, много сегодня закупорили молодых людей!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

– Понемножку, господин доктор! понемножку – хе-хе! по мере слабых моих сил! – отвечал Елеонский необыкновенно мягким, почти женским голосом, от которого, несмотря на его мягкость, меня подрал по коже мороз. – Я-то свое дело делаю, – вот другие-то плохо содействуют! Один за всех-с!

– Ну, вы и без помощников выполните свою задачу! А покуда оставьте-ка на время ваши занятия да расскажите господину «провинциалу», в чем заключается ваш педагогический план.

– Хе-хе! это насчет мальчиков-с? Извольте, сударь, извольте!

И прежде нежели я мог произнести слово, доктор удалился, оставив меня в жертву этому странному существу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вводные статьи к "Господам ташкентцам" и "Дневнику провинциала в Петербурге" – А. М. Туркова

Подготовка текста, а также текстологические разделы статей и примечаний

В. Н. Баскакова – "Господа ташкентцы", "Ташкентцы пригготовительного класса (параллель пятая и последняя)", Д. М. Климовой – "Дневник провинциала в Петербурге", "В больнице для умалишенных".

Комментарии – Л. Р. Ланского

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ТОМА БВ – газета "Биржевые ведомости".

ВЕ – журнал "Вестник Европы".

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, Изд-во АН СССР, 1954–1966.

ГМ – журнал "Голос минувшего".

ИВ – журнал "Исторический вестник".

Изд. 1873 – "Господа ташкентцы". Картины нравов. Сочинение М. Салтыкова (Щедрина); СПб. 1873; "Дневник провинциала в Петербурге". Сочинение М. Салтыкова (Щедрина), СПб. 1873.

Изд. 1881, 1885 – то же, издание второе, третье, СПб. 1881 и 1885.

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Собр. соч. в 20-ти томах. Гос. изд-во художественной литературы, М. 1933–1941.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

ЛН – неперіодические сборники АН СССР "Литературное наследство".

МВ – газета "Московские ведомости".

Некрасов – Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем в 12-ти томах, Гослитиздат, 1948–1952.

ОЗ – журнал "Отечественные записки".

ПГ – "Петербургская газета".

Р. вед. – газета "Русские ведомости".

РВ – журнал "Русский вестник".

РМ – газета "Русский мир".

РС – журнал "Русская старина".

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
"Салтыков в воспоминаниях..." – сборник "М. Е. Салтыков в воспоминаниях современников". Предисловие, подготовка текста и комментарий С. А. Макашина, Гослитиздат, М. 1957.

СПб. вед. – газета "Санкт-Петербургские ведомости".

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.

ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛА В ПЕТЕРБУРГЕ
В БОЛЬНИЦЕ ДЛЯ УМАЛИШЕННЫХ
Продолжение "Дневника провинциала в Петербурге"

Впервые – ОЗ, 1873, "Соврем, обзор.", Э 2, стр. 344–370, глава I; Э 4, стр. 293–316, глава II. Подпись: Н. Щедрин.

Сохранились черновые рукописи незавершенной III главы, при жизни автора не публиковавшиеся.

В настоящем издании I и II главы печатаются по тексту "Отечественных записок". III глава печатается по автографам (ИРЛИ). [179]

Название этого произведения впервые встречается на л. 4 черновой рукописи "Господа ташкентцы. Из воспоминаний одного просветителя. Номер третий". Здесь имеется карандашная запись рукой Салтыкова: "В больнице для умалишенных". – Рукопись относится, по-видимому, к 1869 году, но когда была сделана карандашная запись на полях, сказать трудно. Более определенное указание на замысел цикла встречается в XI главе "Дневника провинциала". Говоря о помешавшемся на тушканчиках Менандре, автор после слов: "Обо всем этом, однако же, речь впереди" – добавляет: "в будущем году я представлю читателям "Отечественных записок" подробный отчет об имеющем произойти со мною в сумасшедшем доме". [180]

Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях рассказывает, что Петербургский цензурный комитет намеревался задержать февральский номер "Отечественных записок" с первым фельетоном "В больнице для умалишенных" (Пантелеев неточно называет его "Дневником провинциала"), так как "председателю Петрову показалось, что М. Е. вывел личность вел. кн. Константина Николаевича, о чем у него и помышления не было". Далее в воспоминаниях передается рассказ самого Салтыкова: "А Лонгинова в то время в Петербурге не было; решил дожидаться его возвращения. Вы знаете, что такое был Лонгинов; но все же у него был вкус, своего рода уважение к литературе. Только что он приехал, отправляюсь я к нему. Знаю, зачем пришли, – сказал Лонгинов, – не беспокойтесь. Мы с Тимашевым едва животики не надорвали, читая ваш дневник. Комитету бог знает что пригрезилось, ему уже послано распоряжение выпустить книгу". [181]

В архиве М. М. Стасюлевича сохранились семь рукописей, относящихся к незавершенной III главе "В больнице для умалишенных". Салтыков работал над ней, по-видимому, летом – осенью 1873 года и предназначал ее для октябрьской книжки "Отечественных записок", так как в подстрочном примечании к началу главы указано, что между появлением второй главы, напечатанной в апрельской книжке, и настоящей "прошло шесть месяцев" (см. стр. 645). Каждая из семи рукописей имеет заголовок "В больнице для умалишенных. III", но три рукописи относятся к одному сюжетному единству, а четыре остальные – к другому. В изд. 1933–1941 и в научном описании рукописей Салтыкова эти две группы рукописей были сочтены двумя редакциями начала III главы. [182] В действительности, рукописи содержат несколько вариантов двух различных по содержанию фрагментов III главы.

Первый фрагмент – от слов "Волей-неволей я должен был покориться" – представлен тремя следующими последовательными вариантами:

1. Текст, вероятно, перебеленный с не дошедшего до нас черновика, с значительной правкой, до слов: "...Вслед за тем доктор представил нас друг другу". [183] Имеется вариант, где Елеонский представлен читателю как "старичок в синем вицмундире, который сидит в углу и делает рукой движения сверху вниз", то есть где он представлен помешанным на сечении воспитанников.

2. Перебеленный текст рукописи с значительной стилистической правкой и дополнениями, переходящий в другую редакцию до слов: "...должна быть сильна и страшна". [184] Добавлено примечание, излагающее содержание предыдущих глав (см.

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru стр. 645). В конце фрагмента содержится более полное изложение педагогических принципов Елеонского, послуживших основой "безазбучному просвещению", отсутствующее в рукописи 1. Приводим текст этого изложения.

Стр. 651. После слов на стр. 5: "...расскажите господину «провинциалу», в чем заключается ваш педагогический план", следовало:

И прежде, нежели я мог произнести слово, доктор уже представил нас друг другу.

-

Многие находят мой педагогический план слишком младенческим и потому смеются над ним, – начал Елеонский, – но, в сущности, он гораздо сложнее, нежели это может показаться на поверхностный взгляд.

Скрыть истину или показать ее в соответствующем известном целям свете – не менее трудно, как, например, на суде схоронить концы в воду или устроить более или менее правдоподобное *alibi*. Во-первых, истина не требует ни изворотливости, ни сноровки, ни творчества; во-вторых, она увлекает, так что надо обладать большой силой характера, чтоб не поддаться ее увлечениям.

В основании моего плана лежат именно те две вещи, о которых я сейчас упомянул, то есть: или полное сокрытие истины, или уснащение ее такими околичностями, которые давали бы ей смысл, споспешествующий достижению известных, заранее обдуманых целей.

Быть может, вы спросите меня, милостивый государь, для чего требуется сокрытие или искажение истины в таком важном деле, как воспитание юношества?

– на это отвечу вам: это нужно, во-первых, для удовлетворения потребности творчества, которая равно присуща педагогике, как и всем прочим отраслям человеческой индустрии, и, во-вторых, для того, чтобы с помощью воспитания получать благонамеренных граждан.

Как бы то ни было, но насмешки над моей педагогической методою не имеют никакого основания. Поводом для них послужила рутинность приемов и еще воспоминание о педагогах доброго старого времени, над которыми действительно много смеялись и в повестях и в жизни. Но не надо забывать, что времена значительно переменились. Старинные педагоги прибегали к своим приемам в наивности сердца своего; это были педанты, которые в схоластике видели гимнастику для ума. Мы же возобновляем старинные схоластические приемы совсем не с этой целью, а в видах [185] [186] духу времени. Поэтому ежели старинная педагогика была бесцельна и смешна, то новейшая педагогика при том же содержании и тех же приемах должна быть сильна и страшна.

3. Перебеленный текст рукописи 2 с значительными исправлениями, до слов: "...оставив меня в жертву этому странному существу". [187] Судя по содержанию последнего абзаца, продолжением данной рукописи должен был служить рассказ Елеонского о его "педагогическом плане" (см. вариант рукописи 2), возможно, в переработанном виде.

Второй фрагмент представлен четырьмя последовательными рукописными вариантами, отличающимися друг от друга некоторыми добавлениями:

1. Перебеленный текст не дошедшего до нас черновика с многочисленными исправлениями, от слов: "Утро. В больнице царствует загадочное движение..." до слов: "...наши рабы верны, когда мы сами чувствуем себя властными и несокрушимыми". [188] На полях – конспективные карандашные записи, относящиеся к развитию сюжета.

2. Перебеленный текст начала рукописи 1 с многочисленными исправлениями, от слов: "Утро. В больнице царствует загадочное движение..." до слов: "...Ужели для того, чтобы быть взятым с оружием в руках... в сумасшедшем доме?!" [189]

3. Перебеленный текст рукописей 2 (начало) и 1 (продолжение) с многочисленными исправлениями и дополнениями, переходящий в другую редакцию, от слов: "В больнице царствует загадочное движение..." до слов: "...которых не тронула ее коса – вы, видите перед собой..." [190] Конец рукописи от слов: "Да, Иван Карлыч, желательно бы" [191] впервые опубликован в газете "Литературный Ленинград", 1934,

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
14 мая, Э 22 (44).

4. Перебеленный текст рукописи 3 с исправлениями, переходящий в другую редакцию, от слов: "С раннего утра в больнице царствует загадочное движение..." до слов: "...я назначаю вас главным бунтовщиком!" конец рукописи 3 после слов: "Вы, господа, вероятно, бунтовать желаете?" от слов: "Да, Иван Карлыч, желательно бы!" заменен в данной рукописи, возможно по цензурным соображениям, следующим вариантом.

– Однако, шпионы-то ваши не дремлют! – с дерзостью выступила вперед одна из тех мрачных личностей, которые на воле называются коноводами и зачинщиками.

Я взглянул на[192] нахала: рожа у него была совершенно разбойничья!

– Господин Соловейчиков! ваш дерзкий поступок не остается безнаказанным! – твердо сказал доктор, – гос-пода консерваторы! наденьте на господина Соловейчикова рукавицы и уведите его в уединенный номер.

В одну минуту вся толпа сумасшедших бросилась на Соловейчикова и чуть не растерзала его. Только двое оставались[193] в стороне и угрюмо смотрели на эту сцену.

– Ввиду такого важного акта, как бунт, происшествие, случившееся с г. Соловейчиковым, – очень кстати! – продолжал доктор. – Обыкновенно такие происшествия случаются после бунта, при так называемой переборке, у нас же оно случилось как раз наоборот. Я очень рад этому, потому что участь, постигшая преступника, должна внушить вам спасительный страх, господа! Но пусть знают «злые», [194] что око правосудия не дремлет, и пусть трепещут заранее! Затем, господа, я ничего не имею против бунта... с тем, разумеется, что он будет происходить в совершенном порядке. А для того, чтобы окончательно устранить все недоразумения, я считаю нелишним указать вам, господа, на лицо, которое будет руководить вами в ваших бунтовских действиях. Господин Морковкин! вы так долго служили предводителем до поступления в наше заведение, что бунтовские порядки должны быть известны вам в совершенстве! Я назначаю вас главным бунтовщиком! [195]

Впервые рукопись 4 опубликована в журнале "Всемирная иллюстрация", 1914, 23 марта, Э 3, стр. 39–40, в статье В. П. Кранихфельда "Щедрин по новым раскопкам".

В настоящем издании первый фрагмент главы III публикуется по тексту рукописи 3, второй фрагмент – по тексту рукописи 4 (от слов: "С раннего утра в больнице царствует загадочное движение..." до слов: "...Вы, господа, вероятно, бунтовать желаете? – совершенно спокойно обратился он к обществу сумасшедших" (см. стр. 653) и рукописи 3 от слов: "Да, Иван Карлыч, желательно бы!" – до слов: "...вы видите перед собой" (см. стр. 654).

–

Опубликованные две первые главы "В больнице для умалишенных" не встретили сочувствия критики. Почти все газеты (за исключением кратких положительных замечаний в "Камско-волжской газете" и "Сыне отечества") [196] поместили отрицательные отзывы, в которых эти главы трактовались как шуточное произведение, лишенное художественных достоинств и сатирического значения "Дневника провинциала". Так, литературный обозреватель газеты "Азовский вестник" писал: "Увлечись, по-видимому, успехом своего прошлогоднего "Дневника провинциала в Петербурге", г. Щедрин предпринял теперь продолжение его, под заглавием "В больнице для умалишенных". Но последнее, не имея и тени достоинств «Дневника», не представляет ничего, кроме бессодержательной болтовни, которой прямое место было бы в фельетоне "Петербургской газеты" или в «Развлечении». Мы посоветовали бы даровитому сатирику поискать нового предмета для своего пера". [197]

По-видимому, и сам Салтыков считал, что тема "Дневника провинциала" уже завершена и в ее продолжении "нависла угроза повторений, простого варьирования мотивов, идей, сюжетных положений и типов как «Дневника», так и других произведений". [198] Во всяком случае, замысел "В больнице для умалишенных" как самостоятельного цикла, продолжающего тему "Дневника провинциала", осуществлен

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru не был.

I

...термин... – Здесь: срок (лат. terminus).

У нас три категории больных. – В своей характеристике больницы для умалишенных Салтыков, несомненно, использовал появившиеся в печати сообщения об открытом в октябре 1871 года "Приюте государя наследника для неизлечимо помешанных" (вблизи Земледельческого училища). "Приют устроен по мысли и на средства государя наследника

Внутреннее устройство приюта подчинено самым строгим требованиям современной науки, с разделением больных на категории. Каждая категория имеет отдельные помещения" ("Русский календарь на 1872 год" А. Суворина, СПб. 1872, стр. 363)..

..."Десять лет счастливейшего пристанодержательства". – Выпад против В. Ф. Корша: в начале 1873 года исполнилось десять лет его деятельности как издателя-редактора "С.-Петербургских ведомостей", взятых им в аренду в 1863 году (пристанодержателями по уголовному праву назывались укрыватели преступников). Салтыков пользуется здесь выражением Герцена, отметившего в «Колоколе» от 1 сентября 1863 года двадцатипятилетие "пристанодержательства в русской литературе" А. А. Краевского, прежнего издателя "С.-Петербургских ведомостей" (см. Герцен, т. XVII, стр.252).

...иск игуменьи Митрофании с наследниками скопца Солодовникова? – Игуменья Серпуховского Владычно-Покровского монастыря Митрофания, рожденная баронесса Розен, была в 1873 году обвинена в крупных денежных злоупотреблениях. Непосредственным поводом к судебному процессу, состоявшемуся только в октябре – ноябре 1874 года, явилось представление игуменьей к оплате векселей, подписанных московским миллионером М. Г. Солодовниковым и признанных его наследниками подложными. По свидетельству Н. А. Демерта, "с самого открытия новых судебных учреждений не было еще такого громкого, шумного, возбуждившего такой общий, всероссийский интерес дела, как это" (ОЗ, 1874, Э 11, отд. II, стр. 256). Дело игуменьи Митрофании упоминается также в гл.) цикла "В среде умеренности и аккуратности" (т. 12) и в ряде других произведений Салтыкова 70-х годов.

...будто дважды два равняются стеариновой свечке. – Выражение из романа И. С. Тургенева «Рудин»: "...мужчина может, например, сказать, что дважды два – не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два – стеариновая свечка" (гл. II, реплика Пигасова).

"Какую роль в русской литературе играл бы воронежский литератор де-Пуле, если б он писал в начале царствования императора Александра Благословенного?" – Речь идет о статье М. де-Пуле "Нечто об оскудении литературных талантов (письмо в редакцию "С.-Петербургских ведомостей" – СПб. вед., 1872, Э 351, 22 декабря). Де-Пуле утверждал в этой ретроградной статье, будто в последние пятнадцать лет в России не появилось "ни одного крупного дарования". Салтыков, в частности, был им отнесен к числу малозначительных литераторов конца 50-х годов (см. в ОЗ, 1874, Э 1, отд. II, отклик Н. К. Михайловского на статью де-Пуле).

...наш знаменитый историограф, господин Богданович... – Салтыков намекает на обширный труд М. И. Богдановича "История царствования императора Александра I и Россия в его время" (1869).

Требуются нравственные гарантии, да еще чтоб курс юридических наук был пройден, а насчет умственных гарантий ничего не упомянуто. – Согласно 354 статье Судебных уставов от 20 ноября 1864 года присяжными поверенными могли быть "лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук". По статье 380 в звании присяжного поверенного отказывалось всякому лицу, которое "хотя и удовлетворяет требованиям закона, но, по собранным о нем сведениям, не имеет нравственных качеств, необходимых для правильного отправления адвокатских обязанностей" (см. К. К. Арсеньев. Заметки о русской адвокатуре, ч. II, СПб. 1875, стр. 1 и 23).

Суп протоньер-с... – «весенний» суп (искаж. франц. printaniere).

...вас будут свидетельствовать в губернском правлении... – Сам Салтыков по должности вице-губернатора не раз присутствовал в Рязанском и Тверском губернских

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru правлениях при освидетельствовании душевнобольных.

...гонвед... ("защитник родины" – венгр.) – офицер или солдат особого венгерского ополчения, созданного в Австро-Венгрии в 1868 году.

...оттеснить господина Марфори... – то есть занять место фаворита при испанской королеве Изабелле – дона Карлоса Марфори.

...общекавалерийский романс "La donna e mobile" – куплеты герцога Мантуанского из оперы Дж. Верди «Риголетто», либретто Пиаве, 1853 ("Сердце красавицы").

...за кокардою... – Имеется в виду дворянская кокарда. См. прим. к стр. 271–272.

...Beist, qui a écrit ce Uvre

"Manuel du laquais cosmopolite"...

– Реакционный политический деятель граф Ф. Ф. фон Бейст начал свою административную карьеру в Саксонском королевстве; однако в октябре 1866 года он перешел на службу к австрийскому королю, заняв пост министра иностранных дел, а затем – премьер-министра. Названием мнимого сочинения Бейста "Руководство для лакея-космополита" Салтыков подчеркивает глубокую беспринципность и цинизм этого политического деятеля.

Sa Majeste Tres Dualistique! – форма обращения к императору Францу-Иосифу – главе преобразованной в 1867 году двуединой монархии АвстроВенгрии.

...toute la verite, rien que la verite! – слова присяги во французском судопроизводстве.

...старый девиз Австрии: tu, feiix Au&tria, nube! – Этот латинский стих процитировал Н. Я. Данилевский в своем труде "Россия и Европа". "Австрийские земли соединялись в одно целое посредством ряда наследств и брачных договоров", – отмечал Данилевский (глава "Место Австрии в восточном вопросе". – «Заря», 1869, э 8, стр. 30).

...то самое, что в наших газетах известно под именем "иностранной политики"? – Русская периодическая печать того времени уделяла много места личной жизни зарубежных "царственных особ", особенно смакуя альковные похождения испанской королевы Изабеллы II и подробности ее отношений со своим фаворитом – дон Карлосом Марфори.

...развод с церемонией... – Развод караула в императорской Австрии совершался с пышным церемониалом.

Эскуриал – королевский дворец вблизи Мадрида.

...сделаем в вашу пользу pronunciamiento... – См. прим. к стр. 603.

...aux Miloutines! – то есть в "Милютином ряду" Гостиного двора в Петербурге, где торговали фруктами и так называемыми "колониальными товарами".

...en conversation criminelle avec la mere Patrocinia. – Монахиня Патросинио, фаворитка Изабеллы II, известная своими интригами, внушала королеве мысль о необходимости начать гражданскую войну для подавления оппозиционных сил.

...это проказы изменника Серрано! – Генерал Серрано-и-Доминос был участником заговора против королевы Изабеллы II; во время переворота в сентябре 1868 года, он возглавил войска, двинувшиеся на Севилью.

..."называется по-здешнему гишпанскою революцией! – Салтыков высмеивает буффонаду дворцовых переворотов в Испании, так называемых pronunciamiento. В данном случае – намек на события сентября 1868 года, когда в результате переворота Изабелла II вынуждена была бежать из Испании вместе со своим фаворитом Марфори. Как отмечают историки, Изабелла "могла, быть может, еще примириться с подданными, но для этого необходимо было принести в жертву Марфори. На это она, однако, не могла решиться" ("История XIX века" под ред. ироф. Лависса и Рамбо, т. 5, М. 1938, стр. 364). В "Отечественных записках" (1872, ээ 9 и 11, и 1873, ээ 2 и 6) были

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru напечатаны "Письма об Испании" В. А. Зайцева, в которых ярко обрисована трагикомическая история революций в Испании XIX века. Возможно, что чтение этой статьи натолкнуло Салтыкова на создание "испанского эпизода" в "Больнице для умалишенных". Нарваэса Зайцев характеризовал как "простого Угрюм-Бурчеева" (Э 11, отд. II, стр. 155).

...египетская тьма... – По библейской легенде, пророк Моисей погрузил на три дня Египет в «осязаемую» густую тьму (Исход, 10, 22).

...la candidature Hohenzollern va faire le reste! – После отречения от престола королевы Изабеллы II (23 июня 1870 года) одним из берлинских банкиров была выдвинута кандидатура немецкого принца Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарянского, давшего согласие стать королем Испании. Этот проект, приобретший широкую известность (но не осуществленный), явился непосредственным поводом к франко-прусской войне 1870–1871 годов.

..аул по обе стороны на плечи... – намек на погоны.

"Тайны мадридского двора"... – роман Г. Борна, русский перевод которого был выпущен в 1870 году в Петербурге. Вскоре это название приобрело характер крылатого выражения, означающего разоблачение сенсационных секретов.

...пензенские корнеты... – В незаконченном рассказе Салтыкова "Прмятное семейство" Пенза характеризуется как город, "сплошь населенный отставными корнетами", предающимися чревоугодию и старающимися "веселиться так, как умеют веселиться только корнеты" (см. т. 11).

...je conclue un emprunt a la maniere austriaque... – В австрийских финансах второй половины XIX века государственный дефицит сделался хроническим явлением, а после австро-прусской войны 1866 года финансовое положение страны стало совсем катастрофическим. "Эта несчастная война довершила финансовое расстройство, начатое в давние годы частыми займами, чрезмерным выпуском бумажных денег и обременительными, но нецелесообразными расходами..." (Н. Кутейщиков. Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста. – ОЗ, 1871, Э 7, отд. II, стр. 138). Только на уплату процентов по старым долгам в это время уходило около 49 процентов всего национального дохода Австрии, сами же долги не погашались (см. там же, Э 5, стр. 139).

Печатание объявлений о распродаже настоящих голландских и билефильдских полотен... – См. прим. к стр. 509.

Здесь я должен оговориться. В одном из органов еврейской журналистики достопочтенный г. Хволос напечатал письмо к г. Некрасову... – О выступлении Хволоса см. на стр. 786. Взгляд Салтыкова на еврейский вопрос изложен им в позднейшей статье, озаглавленной "Июльские веяния" (ОЗ, 1883, Э 8), вошедшей в качестве шестой главы в "Недоконченные беседы" (т. 14). Ср. прим. к сказке "Пропала совесть" – т. 15.

...в год от разорения Иерусалима 5001. – Иерусалим разрушен в 70 г. н. э. войсками римского императора Тита.

...телесные наказания уничтожены... – См. прим. к стр. 371.

...фюить! – Решения суда не являлись обязательными для органов политической полиции; в административную ссылку могло быть отправлено любое лицо, оправданное по суду.

...Царицынского луга. – Царицын, или Царицынский луг (затем Марсово поле) в Петербурге – плац, где производились военные парады (теперь площадь Жертв Революции).

...генерала Дитятина... – Популярный герой устных (впоследствии напечатанных) рассказов И. Ф. Горбунова, самодур времен Николая I, оппозиционно настроенный по отношению к военным реформам 60-х годов.

Tout s'enchaîne et se lie dans mon systeme... – Это банальное изречение Салтыков цитирует в разных вариантах, относя его к "ламартиновскому словесному распутству" (ср. "Пестрые письма", т. 16).

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

Содержание судебного договора будет предметом особенной статьи, имеющей войти в настоящий «Дневник». – Это намерение осталось неисполненным.

...noblesse oblige! – ставшее крылатым выражение герцога Гастона Пьера Марка де Леви.

Ты, по выражению Фета, никогда не знаешь, что будешь петь... – Имеются в виду заключительные строки стихотворения А. А. Фета "Я пришел к тебе с приветом" 1(1843): "я не знаю сам, что буду // Петь, – но только песня зреет".

...ubi bene, ibi Patria! – Это крылатое выражение приписывается римскому трагику Пакувию. Сходное выражение встречается и в комедии Аристофана "Богатство".

Вчера, например, отечество немцев кончалось у Страсбурга, а нынче вон оно уж Мец захватило. – В результате франко-прусской войны 1870–1871 годов Эльзас и Лотарингия, вместе с городами Страсбургом и Мецем, отошли от Франции к Германии.

II

...так называемые "помпадуры"... – См. прим. к стр. 441.

...delenda est Carthago! – Вариант известного афоризма римского государственного деятеля Катона Старшего, который, по утверждению Плутарха, каждую свою речь в сенате заканчивал словами: "Карфаген должен быть разрушен" ("Carthaginem esse delendam").

...в "замарании халата" – Сатирическое переосмысление так называемой "офицерской морали", не допускавшей "запятнания мундира" (или "чести мундира").

...ведите его на конюшню! – Во времена крепостного права это означало "подвергнуть телесному наказанию".

Мне снятся годы ранней юности, тяжелые годы, проведенные под сепию «заведения». – В следующую далее сатирическую характеристику привилегированных учебных заведений Салтыков ввел немало личных воспоминаний, относящихся к его пребыванию в московском Дворянском институте и в Царскосельском (Александровском) лицее. См. об этом в кн.: С. Макашин. Салтыков-Щедрин, цит. изд., стр. 95–170.

...наше "пустое и жалкое поколение"... – Реминисценция из «Думы» Лермонтова (1838): "Печально я гляжу на наше поколенье! // Его грядущее – иль пусто, иль темно!"

...кто разрубил гордиев узел, Александр Македонский или князь Александр Иванович Чернышев... – По древней легенде, фригийским царем можно было стать, только распутав сложный узел, завязанный царем Гордием. Александр Македонский остроумно разрешил эту задачу, разрубив гордиев узел мечом. Салтыков иронически сопоставляет Александра Македонского с другим военачальником – Александром Ивановичем Чернышевым, военным министром при Николае I, человеком весьма ограниченных умственных способностей.

...два кауфера. – Кауфер – парикмахер (франц. coiffeur).

С пальцем девять, с огурцом пятнадцать! Закончил он, пародируя известную гостинодворскую поговорку автора Григорьева. – О происхождении этой поговорки см. в статье В. В. Виноградова "Из истории русских слов и выражений" ("Русский язык в школе", 1940, э 2, стр. 36–37).

...басню о комаре, залезшем в нос к льву. – Басня И. А. Крылова "Лев и Комар" (1809).

Амедей отказался

Что скажет Олоцага. – Амедей Савойский, сын итальянского короля Виктора-Эммануила, избранный королем Испании 16 ноября 1870 года, отрекся от престола 11 февраля 1873 года, в разгаре гражданской войны, охватившей Испанию. В "С.-Петербургских ведомостях" (1873, э 35, 4 февраля) сообщалось: "Сегодня в Палате депутатов прочитано послание короля Амедея

Все дальнейшие попытки к умиротворению он считает тщетными, а потому и слагает с

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru себя корону". В том же номере была напечатана телеграмма из Мадрида: "Испанское правительство просило Олоагу остаться испанским послом в Париже". На следующий день в "С.-Петербургских ведомостях" были опубликованы сведения о составе нового правительства: министр-президент – Фигверас; министр иностранных дел – Кастаньяри. Президентом Национального собрания был избран Мартос.

...что он полюбил новое-отечество совершенно так, как будто оно было старое, и что теперь ему предстоит полюбить старое отечество... – Испанский король Амедей приехал в Испанию в конце 1870 года, совершенно не зная ни ее "истории, ни языка, ни учреждений, ни нравов, ни партий, ни людей" ("История XIX века" под ред. проф. Лавиеса и Рамбо, т. 7, М. 1939, стр. 312).

...фендрих... – шутивно-пренебрежительное наименование молодого офицера.

..."мормон"... – член американской религиозной секты, разрешающей многоженство.

III

...сочинение доктора Тиссота по этому предмету – вы увидите, до чего может довести эта изнурительная страсть! – Имеется в виду изданная в Петербурге в 1787 году книга: "О здравии ученых людей, сочинение Т. Тиссота, Доктора и Профессора Медицины Лондонского Королевского Социетета, Базельской физикомедицинской Академии и Бернского Экономического общества члена, переведенное с Немецкого языка на Русский и с подлинником французским поверенное Доктором Медицины А. Ш.", с эпиграфом из Плиния: "Болезню и то почитается, чтоб умереть от наук". В книге доказывается, что "болезни ученых имеют два главные источника: неусыпные ума томления и всегдашняя тела недвижимость" (стр. 18). Подробно описывая бедствия, претерпеваемые учеными "от сильного ума напряжения", автор приводит множество курьезных фактов, подтверждающих его высказывания, – о женщине, "которой вдруг приключалась жестокая колика, как скоро хотела умом что-нибудь сделать" (24), об "одном заслугами славном муже, который чрез прилежное учение потерял свое здоровье: он впадал в обморок, как скоро было станет со вниманием слушать какую-либо историю или хотя маловажную повесть" (23) и т. п.

...в углу сидит субъект в синем вицмундире

– Это педагог

ближайшая цель которого – истребление идей. – В изображении действий педагога Елеонского обличается направление системы классического образования, ставившего своей целью предохранение учащейся молодежи ("закупориванье") от участия в общественно-политической жизни страны и от возникновения революционных настроений.

...начинается переборка... – то есть аресты всех причастных к революционному движению и проверка «благонадежности» лиц, так или иначе связанных с участниками этого движения.

...вы так долго служили предводителем

что порядки эти должны быть вам известны в подробности. – Речь идет о нередких в те годы случаях проявления дворянской оппозиции крестьянской реформе.

Год: 1873

Примечания

1

Дневник провинциала в Петербурге" печатался в "Отечественных записках" за 1872 год. (Прим. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

2

бычьи языки в томатном соусе...

3

"Сердце красавицы склонно к измене".

в больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

4
Дядюшка!

5
рад видеть вас в обществе родственника.

6
Ах! это целая история!

7
До свидания, господа!

8
штафинок.

9
дипломатической поездке в Мадрид?

10
Хорошо, расскажу.

11
Видите ли, я сегодня утром занят делами.

12
и прочее и прочее. Черт возьми! мы не теряем времени, дядюшка!

13
Мы больше не довольствуемся сами собой.

14
Только скотина остается нетронутой.

15
представьте себе, негодяй Бейст, который написал книгу... «Руководство»...
"Руководство"... ах, да! "Руководство космополитического лакея"... именно так! Он
вызывает меня к себе, негодяй, и говорит: милый мой! Вы можете оказать нам
большую услугу, мне и его весьма дуалистическому величеству...

16
кончено.

17
запомните.

18
чем угодно – лишь бы я служил доброму делу!

19
Надеюсь, ясно!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
20
как бы сказать.

21
Вам предстоит оказать нам отменную услугу, мне и его весьма дуалистическому величеству. Сейчас же отправляйтесь в Мадрид и постарайтесь дать хорошего тумака в спину плуту Марфори, который строит нам каверзы... да еще какие каверзы!

22
всю истину, только истину!

23
она обладает скрытыми прелестями. Это всегда служит утешением, дорогой мой.

24
счастливая Австрия, вступай в браки!

25
Это серьезно, мой милый, видишь ли, это очень серьезно!

26
раз – и я в Мадриде!

27
само собой разумеется.

28
манера.

29
Морда парикмахера, желающего внушить к себе уважение, грудь плоская, нога... без малейшего выражения!

30
Клянусь, я сказал себе.

31
надо покориться. Я набираюсь храбрости, отправляюсь к генералу Серрано и говорю ему.

32
Невозможно!

33
мятеж...

34
Кому вы это говорите, дядюшка!

35
Жан! сказала она мне, если хочешь иметь успех у женщин, будь предприимчивым.

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
36
будем предприимчивы, черт побери!

37
вот именно.

38
моих шагов не слышно на песке.

39
честное слово, можно было подумать, что находишься в Милютиных рядах!

40
раз! я застаю Марфори в преступном разговоре с матерью Патрочинией! Всеобщая сенсация. Марфори становится дурно, и он начинает кричать во всю глотку. Мать Патрочиния падает в обморок, свеча, которую она держала в руке и которая освещала эту сцену преступления и вероломства, тухнет. Я вижу Изабеллу, прибежавшую в ночном чепчике; я бегу, я лечу ей навстречу, не забывая при этом воспользоваться преимуществами моего мундира...

41
Так я и сказал самому себе.

42
Сударыня! соображения высокой политики требуют, чтобы Марфори уступил мне свое место. Это печально, но так нужно!

43
Марфори снова дурно; мать Патрочиния, которая вновь зажгла свечу, роняет ее на пол.

44
Это сказали вы, дядюшка.

45
Сами того не зная, вы совершили революцию, а в настоящее время это все, что нам нужно! Кандидатура Гогенцоллерна сделает остальное! Молодой человек! Вы можете отправиться пастись в Пензу!

46
Титул хронического сумасшедшего – это почти равно титулу испанского гранда! Ах! Очень тяжело носить такое бремя, дядюшка!

47
руку старой графини Романцовой.

48
Дядюшка! извините, я больше не могу развлекать вас! Честное слово, у меня дела!

49
Поэтому я заключаю заем по-австрийски.

50
Но вы сами увидите это, если не спешите меня покинуть!

51

Здесь я должен оговориться. В одном из органов еврейской журналистики достопочтенный т. Хволос напечатал письмо к г. Некрасову, в котором: 1) убеждает его оградить угнетенную еврейскую нацию от неприличных выходок автора "Дневника провинциала в Петербурге", и 2) высказывает догадку, что автор этих выходок, судя по "развязности приемов и тона", есть не кто иной, как Щедрин. Упрек этот несказанно огорчил меня. Я так высоко ценил литературную деятельность г. Хволоса, что даже был убежден, что ни одно объявление о распродаже полотен не принадлежит перу его. И вот этот-то высокочтимый деятель обвиняет меня в «развязности», то есть в таком качестве, к которому я сам всегда относился неодобрительно! Оказывается, однако ж, что г. Хволос, бросая в меня своим обвинением, сам поступает с развязностью поистине прискорбною. Оказывается, что он, читая «Дневник», не понял самого главного: что я веду «Дневник» от третьего лица, которого мнения суть выражение мнений толпы, а отнюдь не моих личных. Быть может, г. Хволос думает, что я и у поручика Хватова ночевал, и в международном статистическом конгрессе (в гостинице Шухардина) участвовал, и был судим в Отель дю-Нор по обвинению в политическом преступлении? Если это так, то мне остается только уверить его, что ничего подобного со мною не случилось и что все описываемое в «Дневнике» относится исключительно к тому вымышленному лицу, от имени которого он ведется. Затем, я могу дать г. Хволосу еще следующий полезный совет: прежде нежели обвинять другого в развязности, нужно самому быть как можно менее развязным и ни в каком случае не выступать с обвинениями, не выяснив себе наперед их предмета. Н. Щедрин.

52

сейчас увидите, ловок ли я!

53

по-австрийски!

54

Но вы компрометируете таким образом состояние, которое в качестве последнего Поцелуева должны передать своим детям!

55

это моя манера занимать деньги.

56

А теперь дело сделано! Я стал богаче на сорок рублей, а еврей беднее на такую же сумму – в этом весь секрет операции!

57

Составлено в С.-Петербурге, 19 января.

58

Хронический сумасшедший Иван Поцелуев.

59

Вот и все!

60

Теперь вы знаете секрет моих финансовых операций, дядюшка!

61

что поделаешь! Мы все, сколько нас ни есть, только так и поступаем!

в больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

62
кое-как.

63
Не хотят понять, что лошадям нужно пространство!

64
это самое главное!

65
но ради бога! есть ли в этом здравый смысл!

66
Так скажите на милость.

67
Это будет грандиозно и вместе с тем фантастично.

68
Ах! мы прекрасно отпразднуем, ручаюсь за это!

69
по части собак и лошадей.

70
вот что существенно.

71
как бы сказать, министерство прогресса.

72
У нас будут лошади-леопарды, лошади-гиппопотамы, лошади-носороги. И если наука
дойдет до создания лошадей-орлов и лошадей-акул, – у нас будут их первые
образцы.

73
это будет целый переворот!

74
но в то же время наши цирки будут работать день и ночь.

75
обязательное условие.

76
Это будет стоить бешеных денег.

77
Кой черт, может же государство немного раскошелиться ради такого грандиозного
предприятия!

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
78
совершенно как человек!

79
Ну а поросята!

80
это бедно, жалко, в этом нет ни жара, ни увлечения!

81
да что толковать! Мы угостим вас амазонками! тысячу, десять тысяч, сто тысяч пар ляжек разом! – какое зрелище! А у нас будут и отдельные кабинеты, если вам угодно. Вы ведь старый распутник, дядюшка!

82
Название деревни (см. "Дневник провинциала в Петербурге"). (Прим. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

83
Как видите, в моей системе все пригнано друг к другу.

84
Да-с! Я патриот, дядюшка!

85
Да-с! Я патриот, дядюшка!

86
Не правда ли, дядюшка? 8 честное слово!

87
в добрый час!

88
У меня неограниченный кредит!

89
штрафирке.

90
чего проще!

91
Скажите на милость, разве не возмутительно ли это!

92
Содержание судоговорения будет предметом особенной статьи, имеющей войти в настоящий «Дневник». (Прим. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

93
ни-ни, кончено.

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
94 последнее дело, если голова не в порядке.

95
Вы находите, что это чересчур!

96
В сущности.

97
и это главное.

98
Дядюшка! наш величайший враг – это проклятый день, которому нет конца!

99
звание дворянина обязывает!

100
Вы благородное дитя, Жан! вашу руку!

101
прошу прощения.

102
Это глубочайшее из моих убеждений.

103
это опять-таки убеждение.

104
Если это не убеждение, то что же это такое? Дядюшка! не кто иной, как я...

105
прекратить революцию!

106
по моему мнению, одно и то же! Так-то!

107
Я всегда на стороне правого дела.

108
Отечество, дядюшка! я только это и признаю! А вы называете меня космополитом! О!
дядюшка!

109
где хорошо, там и отечество.

110
Но это опять-таки очень хорошо!

в больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

111

Превосходно. Но знаете ли, дядюшка, вы открываете мне совершенно новый мир!

112

Да! но поспешим!

113

кому вы это говорите!

114

Ах! вы увидите сложную работу Виргинии и ее прыжки сквозь обруч на лошади... совершенство! А какая девушка!

115

что за ляжки! ах черт возьми! бедра богини!

116

Ну что ж, во всяком случае, вы знаете теперь, как проходит мой день!

117

не сходя с места

118

У вас благородное сердце, Жан!

119

прекрасный, скажу я вам!

120

У меня было как бы предчувствие!

121

Но я надеюсь, что вы разделите с нами компанию, дядюшка!

122

Не правда ли?

123

ясно?

124

всех не упомнишь!

125

очень мне нужны ваши февали!

126

Я не говорю, что это вполне комфортабельно, но... мне это удобно!

127

я проникательнее, чем думают!

в больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

128

Понимаете, дядюшка!

129

Карфаген должен быть разрушен!

130

прыжки сквозь обруч.

131

Черт возьми! Это становится несносным!

132

если приедете, господа, я угощу вас такой бараниной, что вы ее долго помнить будете!

133

"баранина, которую вы долго помнить будете",

134

Сударыня! не беспокойтесь!

135

Но... прости меня, боже!

136

Господа! взгляните на эту фрейлину, которая похожа на сводню!

137

Сударыня! Прошу извинения, но вы сами понимаете, что не ради ваших прекрасных глаз находимся мы в этой конуре.

138

бараниной... что за бахвальство!

139

Ты был тщеславен и хвастлив, мой ангел!

140

почтенная старуха, похожая на сводню.

141

Знаешь ли ты, что это почти преступление?

142

это государственная должность, мой милый, помните!

143

Не правда ли, дорогой?

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
144
завсегда.

145
Но посмотрите же, дядюшка, как я хорош!

146
Но позвольте! Я сам вам устрою это!

147
Нет ничего столь действительного для восстановления сил, как рюмочка коньяку натошак! После ночного кутежа это почти чудотворно!

148
прошу прощения, дорогой, но только коньяк может произвести эте чудо!

149
непременное условие.

150
крошечку!

151
прекрасно!

152
это слишком!

153
это божество!

154
тут ничего не скажешь.

155
Скажите на милость, допустимо ли это!

156
Вот женщина – какой круп!

157
по крайней мере, у ней были такие ляжки!

158
любители ляжек.

159
Оставьте меня в покое с вашими «ляжками», мой милый! Вы достойны сожаления!

160
"милый пролаза", "любезный провинциал",

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

161

дядюшка... не правда ли?

162

Что вы говорите!

163

Бросьте мистификации, дядюшка!

164

Хорошо, вы нам расскажете все это у нас.

165

надеюсь, это еще одна причина, чтобы не беспокоиться о нем.

166

Вы будете нашим председателем!

167

В самом деле, дядюшка, вы нас презираете?!

168

Бросьте увертки, дядюшка! Я спрашиваю, презираете вы нас? Да или нет?

169

Вы золотое сердце, Жан!

170

Нигилист! прости господи, он, кажется, хочет поломаться!

171

Бросьте снисходительность! По местам, господа!

172

* * *

173

* Печатаются три фрагмента из сохранившейся рукописи незаконченной главы III. См. текстологический комментарий. – Ред.

174

* * *

175

* См. "Отечественные записки" ЭЭ 2 и 4 нынешнего года. Ввиду того что между появлением второй главы и настоящей прошло шесть месяцев, считаю долгом возобновить в памяти читателя некоторые факты. "В больнице для умалишенных" составляет продолжение "Дневника провинциала", печатавшегося в 1872 году. В конце «Дневника» провинциал вследствие "разнообразий петербургской жизни" попадает в больницу для умалишенных. Здесь он встречается со своим родственником, офицером Ваней Поцелуевым, который, будучи умалишенным, без всякого стыда изливает перед ним всю суть своего внутреннего офицерского существования. Поцелуев играет очень видную роль в обществе сумасшедших, чем он обязан непреклонности и цельности своих убеждений, и «провинциалу» невольно приходит на мысль: что было бы, если б судьба вынудила его вечно проводить жизнь

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru среди Поцелуевых? Сумел ли бы он покорить этих людей, или, напротив того, сам был бы покорен ими? По некоторым соображениям, второй исход оказывается более вероятным, а отсюда – понятный ужас, который овладевает «провинциалом». К довершению всего, в больнице происходит суд, на котором один из умалишенных обвиняется в "замарании халата". Это еще более возбуждающим образом действует на нервную систему впечатлительного «провинциала». Он видит страшные сны. Встревоженная его мысль рисует перед ним все перипетии, через которые проходит история его подчинения Поцелуевым, и которая разрешается судом за уклонение от посещения фруктовой лавки Одинцова, служащей обычным местопребыванием Поцелуевых. По суду «провинциал» присуждается к обмазыванию кильками, наказанию очень странному, почти фантастическому, однако же не беспримерному в истории. Понятно, что сон этот заставляет его вскочить с постели в величайшем страхе. Происшествие это заставляет «провинциала», до сих пор упорно протестовавшего против своего помещения в больницу, сознаться, что он попал туда совершенно правильно; (Прим. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

176
б

177
Надеюсь, мы посмеемся!

178
Выходка эта заключалась в страшном крике, который поднял «провинциал», вследствие виденного им сна. (Прим. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

179
Впервые опубликованы Б. Эйхенбаумом в изд. 1933–1941, т. X, стр. 645–652.

180
ОЗ, 1872, э 12, стр. 409–410.

181
Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, М. 1958, стр. 451.

182
См. комментарий Б. М. Эйхенбаума в изд. 1933–1941, т. X, стр. 656, а также: Л. М. Добровольский и М. И. Малова. Рукописи литературных произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. Научное описание. – Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, IX, стр. 36–37, ээ 115–121.

183
См. Бюллетени РО, IX, стр. 36, э 115.

184
См. там же, э 116.

185
рации

186
буйному

187
См. Бюллетени РО, стр. 37, э 117.

В больнице для умалишенных. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

188

Там же, Э 118.

189

Там же, Э 119.

190

Там же, Э 120.

191

Там же.

192

этого человека

193

очевидно, радикалы

194

доктор искоса взглянул на двоих радикалов

195

См. Бюллетень РО, стр. 37, Э 121, изд. 1933–1941, стр. 615–649.

196

"Камско-волжская газета", 1873, Э 35, 25 марта. – Н. Розанов. Обзор текущей журналистики, стр. 2; "Сын отечества", 1873, Э 33, 8 февраля; Э 49, 1 марта; Э 87, 20 апреля.

197

"Азовский вестник", 1873, Э 33, 26 апреля. – Новости журналистики, подп.: "Постоянный наблюдатель".

198 Е. Покусаев. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М. 1963, стр. 218.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!